

Федеральное государственное автономное  
образовательное учреждение  
высшего образования  
«СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Институт филологии и языковой коммуникации  
Кафедра лингвистики и межкультурной коммуникации  
45.03.02 Лингвистика

УТВЕРЖДАЮ  
Заведующий кафедрой ЛиМКК  
\_\_\_\_\_ Л.В. Куликова

« \_\_\_\_\_ » \_\_\_\_\_ 2016 г.

БАКАЛАВРСКАЯ РАБОТА  
**РЕЧЕВАЯ СТРАТЕГИЯ УКЛОНЕНИЯ ОТ ОТВЕТА  
В СОВРЕМЕННОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ  
(НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОЯЗЫЧНЫХ  
И АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ТЕКСТОВ)**

Выпускник

А. А. Синева

Научный руководитель

д-р филол. наук, доц. Г.А. Копнина

Нормоконтролер

М. К. Мжельских

Красноярск 2016

## СОДЕРЖАНИЕ

<b>ВВЕДЕНИЕ.....</b>	<b>3</b>
<b>ГЛАВА 1. СТРАТЕГИИ И ТАКТИКИ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА: ИЗ ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ .....</b>	<b>7</b>
1.1 Политический дискурс: определение, соотношение со смежными понятиями, функции.....	7
1.2 Коммуникативная стратегия и коммуникативная тактика: соотношение понятий.....	11
1.3 Коммуникативные стратегии и тактики в политическом дискурсе: проблема классификации.....	15
<b>ВЫВОДЫ ПО 1 ГЛАВЕ.....</b>	<b>19</b>
<b>ГЛАВА 2. ТАКТИКИ УХОДА ОТ ОТВЕТА В РУССКОЯЗЫЧНОМ И АНГЛОЯЗЫЧНОМ ДИСКУРСЕ.....</b>	<b>21</b>
2.1. Общая характеристика тактик ухода от ответа в политическом дискурсе.....	21
2.2. Тактика отказа от комментирования.....	22
2.3. Ссылка на отсутствие необходимой информации .....	26
2.4. Тактика апелляции к другому источнику.....	30
2.5. Тактика переключения на другую тему.....	34
2.6. Тактика обобщения.....	39
2.7. Тактика выражения сомнения в правомерности ответа на вопрос.....	43
2.8. Тактика игнорирования вопроса.....	47
<b>ВЫВОДЫ ПО 2 ГЛАВЕ.....</b>	<b>50</b>
<b>ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....</b>	<b>53</b>
<b>СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.....</b>	<b>58</b>
<b>СПИСОК ЦИТИРУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ.....</b>	<b>62</b>
<b>ПРИЛОЖЕНИЯ.....</b>	<b>68</b>

## ВВЕДЕНИЕ

В связи с тем, что за последние десятилетия наблюдается интенсивное развитие политических технологий, возрастание роли средств массовой информации, а также всё большая театрализация политической деятельности, политический дискурс стал объектом пристального внимания лингвистов. Связь между языком и политикой очевидна: политический режим не может существовать без коммуникации. Также следует отметить, что особенность политики заключается в ее исключительно дискурсивном характере, так как многие политические действия по своей природе являются речевыми. Совершенно очевидно, что для политического дискурса важнейшее значение имеет коммуникативная культура и компетентность политических деятелей, которая проявляется во владении ими разнообразными коммуникативными стратегиями и тактиками.

**Актуальность** исследования обусловлена следующими моментами:

- возрастающей значимостью политического дискурса, так как в современном обществе вопросы власти открыто обсуждаются, и решение целого ряда политических проблем, зависит от того насколько адекватно эти проблемы будут интерпретированы языком.
- интересом к изучению, выявлению и описанию специфики речевого воздействия, а также речевых приемов, позволяющие скрыть истинные интенции политика, которые заключаются в его публичных высказываниях
- недостаточной разработанностью данного вопроса

**Цель** работы состоит в исследовании типологических и языковых особенностей использования тактик ухода от ответа в современном политическом дискурсе.

Чтобы реализовать поставленную цель, необходимо выполнить следующие **задачи**:

- описать сущность политического дискурса;

- привести определение коммуникативных стратегий и тактик;
- выявить и описать особенности использования различных форм тактик ухода от ответа отечественными политиками;
- выявить и описать особенности использования различных форм тактик ухода от ответа американскими политиками;
- сопоставить результаты исследования тактик ухода от ответа в отечественной и зарубежной политическом дискурсе.

**Объект** исследования – уход от ответа как коммуникативная стратегия.

**Предмет** исследования – тактические приемы ухода от ответа отечественными и зарубежными политиками.

**Основным методом исследования** в данной работе является описательный метод, включающий в себя наблюдение, сопоставление, обобщение и интерпретацию полученных фактов, а также приемы риторического анализа

**Степень разработанности:** Политический дискурс является объектом политической лингвистики, ему посвящены работы таких российских и зарубежных авторов, как А.Н. Баранов, В.З. Демьянков, В.И. Карасик, Ю.В. Клюев, В.А. Маслова, А.П. Чудинов, Е.И. Шейгал, Р. Водак, Т.А. Дейк, П. Чилтон, которые послужили **теоретической базой** для нашего исследования. Стратегии и тактики политического дискурса исследовались в работах О.С. Иссерс, О.Н. Паршиной, Д.Р. Акоповой. Е.В. Кобец, однако, вопросы, касающиеся непосредственно коммуникативной стратегии уклонения от ответа, учёными комплексно не рассматривались. Проблемой отсутствия ответа на вопрос занимались И.В.Федоров, И.А. Бутенко, Н.А. Ключина, И.Б. Назарова, А.И. Мельник. Такие исследователи, как В.Ю. Андреева и Е.Э. Яренчук также затрагивали стратегию уклонения от ответа, однако она рассматривалась как проявление феномена коммуникативного саботажа в теории речевой деятельности, когнитивной лингвистике и прагматике, но не в контексте политического дискурса.

**Материалом** исследования (из источников) послужили речевые фрагменты, репрезентирующие техники ухода от ответа. Материал взят из следующих источников: 90 интервью из таких интернет-изданий, как «Аргументы и факты», «Российская газета», «Взгляд», «The Guardian», «The New York Times», «Los Angeles Times», «The Telegraph» «The Times» «The Independent»; 4 телепередачи: «Дело принципа», «Право голоса», «Время покажет», «Свобода слова»; 7 пресс-конференций: «Заседание Совета Безопасности», «Совещание с членами Правительства», «Прямая линия с В.В. Путиным», «Daily Press Briefings». Общий объем проанализированного материала составляет 3 авторских листа.

**Научная новизна** исследования состоит в том, что впервые было проведено комплексное лингвистическое описание коммуникативных тактик, речевых приемов и техник, конституирующих коммуникативную стратегию уклонения от ответа.

**Теоретическая значимость работы.** В результате исследования были выявлены многообразные тактики уклонения от ответа, проанализирована их частотность, выявлен эффект, который несет каждая применяемая тактика на собеседника.

**Практическая значимость** результатов исследования состоит в том, что они могут использоваться в образовательном процессе как материал для дисциплины «Политическая лингвистика», «Прагмалингвистика», «Межкультурная коммуникация», «Психолингвистика». Также материал может быть использован начинающими журналистами для составления вопросов.

Указанные выше цель и последовательность решения задач исследования определили следующую **структуру** работы: введение, две главы, заключение, список использованных источников и список цитируемых источников. Первая глава состоит из трех параграфов, посвященных понятию и сущности политического дискурса, коммуникативных стратегий и тактик. Во второй главе проанализированы

различные тактики ухода от ответа, к которым прибегают политические деятели во время интервью, пресс-конференций, брифингов. В заключении приведены выводы, сделанные в ходе исследования.

# ГЛАВА 1. СТРАТЕГИИ И ТАКТИКИ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА: ИЗ ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ

## 1.1 Политический дискурс: определение, соотношение со смежными понятиями, функции

Политический дискурс является сложным объектом исследования, поскольку лежит на пересечении разных дисциплин - политологии, социальной психологии, лингвистики и связан с анализом формы, задач и содержания дискурса, употребляемого в определенных ситуациях [Демьянков, 2001].

Политический дискурс является специфической разновидностью дискурса, поскольку имеет своей целью завоевание и удержание политической власти. Он обладает набором системообразующих признаков, в число которых входят цель общения, участники общения, способ общения - избираемые стратегии и тактики [Колесникова, 2011].

Среди исследователей нет общепринятого определения политического дискурса. В лингвистической литературе термин «политический дискурс» употребляется в двух смыслах: **узком и широком**.

Приведем определения исследователей, которые придерживаются широкого определения дискурса. Н.А. Герасименко считает, что политический дискурс - это «сумма речевых произведений в определенном паралингвистическом контексте - контексте политической деятельности, политических взглядов и убеждений, включая негативные ее проявления (уклонение от политической деятельности, отсутствие политических убеждений)» [Герасименко, 2002 : 14]; Е.И. Шейгал под политическим дискурсом подразумевает «любые речевые образования, субъект, адресат или содержание которых относится к сфере политики» [Шейгал, 2003 : 9]; А.Н. Баранов полагает, что политический дискурс – это «совокупность дискурсивных практик, идентифицирующих участников политического

дискурса как таковых или формирующих конкретную тематику политической коммуникации» [Баранов, 2004 : 24].

Узкого определения политического дискурса придерживается, в частности, голландский лингвист Т. ван Дейк. Он считает, что политический дискурс – это «класс жанров, ограниченный социальной сферой, а именно политикой. Правительственные обсуждения, парламентские дебаты, партийные программы, речи политиков – это те жанры, которые принадлежат сфере политики. Политический дискурс – это дискурс политиков» [Т. ван Дейк, 1988: 153]. Ограничивая политический дискурс профессиональными рамками, деятельностью политиков, А.В. Рыбакина отмечает, что политический дискурс в то же время является формой институционального дискурса. Это означает, что дискурсами политиков считаются те дискурсы, которые производятся в такой институциональной окружающей обстановке, как заседание правительства, сессия парламента, съезд политической партии. Высказывание должно быть произнесено говорящим в его профессиональной роли политика и в институциональной окружающей обстановке. Таким образом, дискурс является политическим, когда он сопровождает политический акт в политической обстановке [Рыбакина, 2009].

Таким образом, в широком смысле политический дискурс включает такие формы общения, в которых к сфере политики относится хотя бы одна из составляющих: субъект, адресат либо содержание сообщения. В узком смысле политический дискурс - это разновидность дискурса, целью которого является завоевание, сохранение и осуществление политической власти [Ордуханян, 2015 ].

В настоящем исследовании мы будем опираться на определение А.Н. Баранова и Е.Г. Казакевича, согласно которым политический дискурс - это «совокупность всех речевых актов, используемых в политических дискуссиях, а также правил публичной политики, освященных традицией и проверенных опытом» [Маслова, 2008 : 43; цит. по: Баранов, Казакевич, 1991 : 6]. Данное определение представляет широкий подход к содержанию понятия политический дискурс. Принимая широкое понимание дискурса, мы также включаем в него



процесс и результат порождения и восприятия текстов плюс экстралингвистические факторы, влияющие на их порождение и восприятие.

Стоит отметить, что в современной политической лингвистики термин «политический дискурс» неразрывно связан с термином «политическая коммуникация». Как отмечает П.А. Цыганков, одним из первых непосредственных употреблений этого понятия в политологическом контексте является относящееся к началу XX в. высказывание Ф. Ратцеля о том, что «передача информации в политическом отношении является самой важной из всех коммуникационных услуг» [Цыганков, 1999: 57].

К. Дойч назвал политическую коммуникацию «нервной системой государственного управления» [К. Дойч, 1993: 34], считая политические сообщения фактором, обуславливающим политическое поведение.

По мнению М.С. Вершинина, достаточно полное толкование политической коммуникации предложил Р.-Ж. Шварценберг. Он определил это понятие как «процесс передачи политической информации, благодаря которому она циркулирует от одной части политической системы к другой и между политической системой и социальной системой. Идет непрерывный процесс обмена информацией между индивидами и группами на всех уровнях» [Вершинин, 2001: 73].

Понятия «политическая коммуникация» и «политический дискурс» во многих работах (например, В.А. Масловой, Л.Н. Тимофеевой) используются как взаимозаменяемые. По мнению Л.Н. Тимофеевой, «политическая коммуникация и политический дискурс - два способа, взаимодополняющие друг друга» Она считает, что и политическая коммуникация, и политический дискурс переплетаются друг с другом, что они имеют сложносоставные связи и переходы. Л.Н. Тимофеевой называет их «вложенными мостами друг для друга, когда нужно совершить переход в ту или иную сторону исследования общения». Дискурс расположен между языком и текстом, соединяя и то, и другое. Политическая коммуникация строится на передаче информации, дискурс строится на метафоре спора [Тимофеева, 2010]. В то время как

другие авторы отмечают (А.Н. Баранов, Р.В. Патюкова) считают, что понятие политической коммуникации и политического дискурса не тождественны, а только близки, что политический дискурс понимается скорее, как феномен, который создает политическая коммуникация.

Общественное предназначение политического дискурса состоит в том, чтобы внушить адресатам (гражданам сообщества) необходимость «политически правильных» действий или оценок. Иначе говоря, цель политического дискурса – убедить, пробудив в адресате намерения, дать почву для убеждения и побудить к действию. В связи с чем можно сделать вывод, что эффективность политического дискурса определяется относительно цели манипулирования [Карасик, 2000]. В.А. Маслова считает, что целью политического дискурса является «завоевание, сохранение и осуществление политической власти» [Маслова 2008: 45]. П.Б. Паршин также полагает, что доминирующей целью политического дискурса является манипуляция сознанием масс, что политический дискурс предполагает внушение определенных намерений и установок и мотивацию вполне определенных реакций и, в частности, действий [Паршин, 2001].

Следует отметить, что у политического дискурса исследователи выделяют большое многообразие функций. О.Н. Паршина в своей работе упомянула о таких функциях, как контролирующая функция (манипуляция сознанием и мобилизация к действию), информационная, интерпретационная функция (создание «языковой реальности» поля политики), социальная идентификация (дифференциация и интеграция групповых агентов политики) и агональная функция [Паршина, 2005].

В качестве доминирующих функций Е.А. Углова называет называют манипулятивную, функцию социального контроля, функция легитимизации власти, функция воспроизводства власти, ориентационная функция, функция социальной солидаризации и дифференциации и агональную функцию [Углова, 2013].

Основными функциями политического дискурса Н.А. Герасименко считает:

- 1) персуазивную (цель речи политика - агитация, убеждение аудитории в своей точке зрения);
- 2) информативную (информирование аудитории о намерениях, акциях, курсе и позиции политика);
- 3) аргументативную (каждая мысль политика должна быть четко аргументирована и связана с ценностями, традициями и идеологией народа);
- 4) персуазивно-функциональную (создание убедительной картины лучшего устройства мира);
- 5) делимитативную (отличие от иного);
- 6) групповыделительную (содержательное и языковое обеспечение идентичности) [Герасименко, 2002].

Таким образом, исследователи в основном выделяют от 5 до 7 функций, выбрав в качестве доминирующей манипулятивную функцию. По мнению исследователей, второй по значимости функцией является информативная, позволяющая информировать граждан о своих намерениях. Следует отметить, что в политическом дискурсе вряд ли может преследоваться цель «информировать» без желания сформировать при этом положительное или отрицательное отношение адресата к чему-либо или повлиять на его образ мыслей, поэтому функция воздействия в политическом дискурсе всегда присутствует.

## **1.2 Коммуникативная стратегия и коммуникативная тактика: соотношение понятий**

«Парадокс общения в том и состоит, что можно высказаться на языке и тем не менее быть понятым», - так сформулировал знаменитый парадокс общения Г.П. Грайс [Грайс, 1985: 45]. Представления о том, что беседа или разговор являются не хаотичным, а упорядоченным явлением, отразились в

многочисленных исследованиях речевого общения, в частности диалогической речи. Осознанное достижение цели в процессе коммуникации невозможно без планирования деятельности – без стратегии и тактики.

Обычно стратегия рассматривается как искусство руководства, основанное на правильных прогнозах относительно цели, а тактика - как приемы, способы достижения этой цели. Тогда «коммуникативная стратегия – это своего рода коммуникативный план, который предполагает определенные коммуникативные цели и для которого необходима определенная коммуникативная компетентность» [Иссерс, 2002: 54].

Рабочим определением настоящего исследования будет определение Е.В. Ключева, который под коммуникативной стратегией понимает совокупность запланированных говорящим заранее и реализуемых в ходе коммуникативного акта теоретических ходов, направленных на достижение коммуникативной цели. Представление о способе объединения этих теоретических ходов в единое целое (коммуникативную стратегию) называется коммуникативной интенцией, которая и есть движущая сила коммуникативной стратегии. Интенция принадлежит индивиду и в этом смысле отличается от внеличных конвенций — правил поведения в регламентированных обществом речевых ситуациях. Коммуникативная цель — стратегический результат, на который направлен коммуникативный акт: результат этот может обсуждаться как на вербальном, словесном, уровне (например, взять на себя обещание, отказаться, обидеться и т. п.), так и на уровне физических действий (например, уйти на войну, приступить к работе, подать на развод и т. п.). Если в ходе коммуникации действительно могут быть созданы условия для достижения соответствующих результатов во внеязыковой действительности (т. е. я возьму (беру) на себя обещание, я откажусь (отказываюсь), я обижусь (обижаюсь)), можно считать, что коммуникативный акт имеет не только коммуникативную цель, но и коммуникативную перспективу, рассматриваемую как возможность вызвать желаемые последствия в реальности. Коммуникативная компетенция есть

рабочий набор коммуникативных стратегий, присущих индивиду или группе индивидов [Клюев, 2001: 18].

В общем смысле стратегия включает в себя планирование построения процесса речевого взаимодействия в зависимости от конкретных условий общения и личностей коммуникантов, а также реализацию плана, т.е. линию беседы [Тарасова, 1992]. Чтобы планировать какие-либо речевые действия, коммуниканты должны обладать определенной когнитивной информацией: иметь представление о предстоящей ситуации общения, об адресате, обладать элементарным опытом анализа речевых действий и т.п. Другими словами, прогноз предстоящей вербальной коммуникации строится на основе представлений о речевом акте, коммуникативном взаимодействии (с учетом мотивов и целей говорящего и слушающего, их вербальных и невербальных действий) и всей ситуации в целом [Иссерс, 2002].

С точки зрения когнитивной лингвистики стратегия – это «план комплексного речевого воздействия, задачей которого является изменение модели мира партнера, на трансформацию его концептуального сознания. Когнитивный аспект подробно анализируется в работе» [ван Дейк, Кинч, 1988: 98], где рассматриваются способы обработки сложной информации в памяти, когнитивные ходы в мышлении.

Стратегия общения реализуется в коммуникативных тактиках, под которыми понимаются речевые приемы, позволяющие достичь поставленных целей в конкретных ситуациях. Коммуникативная стратегия всегда отличается гибкостью и динамикой, ведь в ходе общения она подвергается постоянным корректировкам. Динамика соотношения осуществляемого в данный момент хода с предшествующим, а также их влияние на последующее – является одним из главных признаков стратегии. Стратегии связаны с замыслом конечной цели общения, а тактики – непосредственно с приемами реализации общей стратегии. [Матвеева, 2013].

В общем понимании коммуникативная тактика – это конкретная реализация стратегии, совокупность действий, выполняемых нами в той или

иной последовательности, которые реализуют/не реализуют коммуникативную стратегию и подчиняются/не подчиняются тем или иным правилам. Такие действия могут быть простыми и сложными (как совокупность отдельных шагов по достижению единого результата; в этом случае каждый шаг предполагает решение только части задачи). В одних случаях последовательность шагов остается свободной, в других – она оказывается принципиально важной, значимой. Отсюда следует, что механизм возникновения коммуникативных конфликтов заключается в том, что адресант совершает действия, не соответствующие одному или нескольким правилам, обязательным в данной ситуации общения, или нарушает порядок их выполнения [Муравьева, 2003].

Тактику общения И.Н. Борисова понимает, как динамическое использование коммуникантами речевых умений построения диалога, конституирующих ту или иную стратегию диалоговедения. Тактика — «речевое действие, характеризующееся своей задачей и функцией в рамках реализуемой коммуникантом стратегии» [Борисова, 1996 :82].

Е.В. Клюевым коммуникативная тактика рассматривается в качестве совокупности практических ходов в реальном процессе речевого взаимодействия. Коммуникативная тактика соотносится не с коммуникативной целью, а с набором отдельных коммуникативных намерений.

Коммуникативное намерение (оно же — коммуникативная задача) трактуется в качестве тактического хода, являющегося практическим средством движения к соответствующей коммуникативной цели. Вся совокупность таких практических средств в реальном процессе речевого взаимодействия создает, как сказано, коммуникативную тактику.

Коммуникативный опыт понимается как «совокупность представлений об успешных и неуспешных коммуникативных тактиках, ведущих или не ведущих к реализации соответствующих коммуникативных стратегий» [Клюев, 2001: 18].

Выбор тактики зависит от точки зрения говорящего на ситуацию и на проблему в целом. Владение коммуникативными стратегиями и тактиками входит в прагмалингвистическую компетенцию говорящего, под которой понимается его коммуникативный опыт в языке и речи, знание и умение применять постулаты и правила общения. И чем многообразнее и гибче стратегии и тактики говорящего, тем успешнее он добивается своих целей. Конечная успешность или неуспешность речевого акта является следствием удачных/неудачных различных стратегий и тактик, выбранных обоими участниками коммуникативной ситуации [Матвеева, 2013].

Таким образом, общепринято, что коммуникативная стратегия представляет собой коммуникативный план, который предполагает определенные коммуникативные цели и для которого необходима определенная коммуникативная компетентность; коммуникативная тактика - совокупность практических ходов в реальном процессе речевого взаимодействия, направленных на реализацию коммуникативной стратегии.

### **1.3 Коммуникативные стратегии и тактики в политическом дискурсе: проблема классификации.**

На сегодняшний день не существует единой классификации стратегий политического дискурса. Исследуя стратегии и тактики, характерные для политического дискурса, О.Н. Паршина выделяет следующие стратегии:

- стратегия самопрезентации
- стратегия дискредитации и нападения
- стратегия самозащиты
- информационно-интерпретационная стратегия
- стратегия формирования эмоционального настроения адресата

Е.И. Шейгал [Шейгал, 2000] выделяет в политическом дискурсе следующие виды стратегий:

- стратегия вуалирования, затушевывания нежелательной информации (позволяет притушить, сделать менее очевидными неприятные факты);

- стратегия мистификации (сокрытие истины, сознательное введение в заблуждение);

- стратегия анонимности (деперсонализации) как прием снятия ответственности.

Можно назвать ещё несколько видов стратегий применительно к политическому дискурсу: стратегия реификации (конструирование образа врага), стратегия делегитимизации (разрушение образа оппонента) и стратегия амальгамирования («мы» - дискурс) [Филинский, 2002].

О.Л. Михалева предложила свою классификацию стратегий политического дискурса, в которую входят:

- 1) стратегия на понижение;
- 2) стратегия на повышение;
- 3) стратегия театральности [Михалева, 2009].

Стратегия на понижение направлена на дискредитацию оппонента, которым является политический противник. Данная стратегия подразумевает использование тактик, имплицитно и эксплицитно выражающих отрицательное отношение к предмету коммуникации [Акопова, 2013].

Стратегия на повышение характеризуется желанием говорящего представить себя в выгодном свете, увеличить свою значимость в глазах электората [Михалева, 2009].

В результате анализа нами можно выделить четыре наиболее важных коммуникативных стратегий, используемые в политическом дискурсе: стратегии **самопрезентации, дискредитации, нападения, самозащиты.**

Главной целью стратегии самопрезентации является формирование положительного имиджа политика или его партии. Чем точнее строится имидж политика, тем больше людей испытывают к нему симпатию. Имидж



политического лидера во многом создается с помощью различных языковых и речевых средств, так как речевое поведение лидера непосредственно оценивается адресатом, наблюдающим политика по телевизору, слушающего его по радио, читающего интервью в прессе. [Сорокина, 2014].

Цель использования стратегии дискредитации и нападения - подорвать авторитет дискредитируемого объекта, очернить в глазах избирателей. Типичной тактикой при использовании этой стратегии является тактика обвинения, которую используют большинство политиков [Карякин, 2009].

Стратегия самозащиты часто используется политиками, которые стали объектом использования стратегии дискредитации. Наиболее характерные тактики этой стратегии - тактика оправдания ("я поступаю правильно, потому что"), тактика оспаривания (несогласие с негативными обвинениями и их опровержение) [Барышников, 2014].

Однако, М.Ю. Рябова считает, что одной из главных стратегий политического дискурса является стратегия уклонения от ответа. «Уклонение от ответа – это, с одной стороны, стремление избежать коммуникативного конфликта, не создавать у собеседника коммуникативного дискомфорта, и, с другой стороны, вуалирование, камуфляж существа дела, сокрытие, зашифрованность информации» [Рябова, 2006: 248].

Л.Б. Головаш понимает стратегию уклонения от ответа, как «цепь решений говорящего, коммуникативных выборов им речевых действий и языковых средств, позволяющих завуалировать, сокрыть истинный смысл ответной реплики или имплицитно уклониться от прямого ответа» [Головаш, 2008: 183].

Стратегия уклонения от прямого ответа реализуется в случае отражения говорящим собственного противоречивого эмоционально-психологического состояния, порожденного обстоятельствами; построения говорящим речи по типу внутреннего монолога-описания или размышления, сконцентрированном на самоанализе; переживания говорящим статусной

неуверенности при наличии субординативных отношений, а также желания говорящего удовлетворить свои корыстные интересы и достигнуть поставленные коммуникативные цели [Гнездилова, 2008].

Ядро стратегии уклонения от прямого ответа составляют неявные смыслы-усложнения, относящиеся к прагматическому уровню высказывания, основанные на социальных этических нормах общества. Стратегия уклонения от ответа реализуется с помощью большого многообразия таких тактик, как тактика уклонения от комментирования, переключение на другую тему, игнорирование вопроса, переадресация вопроса интервьюеру, ответ вопроса на вопрос указание на неактуальность вопроса.

Данная стратегия, реализуемые в определенных тактиках при помощи тех или иных языковых средств, будет рассмотрена и проанализирована во второй главе настоящего исследования.

## ВЫВОДЫ ПО 1 ГЛАВЕ

Центральным понятием политической лингвистики является политический дискурс, который представляет собой особую разновидность дискурса и имеет своей целью завоевание и удержание политической власти, манипуляцию сознанием масс, внушение определенных намерений и установок, поскольку контроль над политическим дискурсом является залогом контроля над обществом.

В лингвистической литературе политический дискурс представлен как многоаспектное и многоплановое явление, у которого нет единого определения. Термин «политический дискурс» употребляется в двух смыслах: узком (Т. ван Дейк, В.А. Маслова, А.В. Рыбакина) и широком (Е.И. Шейгал, Н.А. Герасименко). В широком смысле политический дискурс включает такие формы общения, в которых к сфере политики относится хотя бы одна из составляющих: субъект, адресат либо содержание сообщения. В узком смысле политический дискурс - это разновидность дискурса, целью которого является завоевание, сохранение и осуществление политической власти. В настоящем исследовании мы будем опираться на определение А.Н. Баранова и Е.Г. Казакевича, которое представляет широкий подход к содержанию понятия политический дискурс. Согласно определению, политический дискурс - это совокупность всех речевых актов, используемых в политических дискуссиях, а также правил публичной политики, освященных традицией и проверенных опытом.

Было установлено, что термин «политический дискурс» неразрывно связан с термином «политическая коммуникация». Понятия «политическая коммуникация» и «политический дискурс» во многих работах (например, В.А. Масловой, Л.Н. Тимофеевой) используются как взаимозаменяемые. Чаще всего, особенно в лингвистических работах, разница между анализируемыми понятиями не усматривается, и термины употребляются как нестрогие синонимы. В то время как другие авторы отмечают (А.Н. Баранов,

Р.В. Патюкова) отмечают, что понятия политического дискурса и политической коммуникации близки, но не тождественны, что политический дискурс понимается как феномен, создаваемый политической коммуникацией.

Исследователи (Герасименко, Паршина, Угланова) делали попытку выделить основные функции политического дискурса, основными из которых были функция манипулирования, а также информационная и агональная функции.

В процессе коммуникации достижение цели невозможно без планирования действий, т.е. стратегии и тактики. В качестве рабочего определения стратегии было выбрано понятие Е.В. Ключева, под коммуникативные стратегии он подразумевает совокупность запланированных говорящим заранее, а затем реализуемых в ходе коммуникативного акта определенных ходов, которые направлены на достижение коммуникативной цели. От компетентности говорящих напрямую зависит результат коммуникации, успешность коммуникативного взаимодействия. В свою очередь под коммуникативной тактикой подразумевается совокупность практических ходов в процессе коммуникации, целью которых является реализация коммуникативных стратегий.

В результате исследования было выделено 4 наиболее важных стратегий, которые используются в политическом дискурсе: стратегии самопрезентации, дискредитации, нападения, самозащиты. Однако исследователи (М.Ю. Рябова, Т.В. Романова, Л.Б. Гнездилова) отмечают, что не менее важной стратегией политического дискурса является стратегия уклонения от ответа. В литературе отмечается, что уклонение от ответа – это, с одной стороны, стремление избежать коммуникативного конфликта, не создавать у собеседника коммуникативного дискомфорта, с другой стороны, вуалирование, камуфляж существа дела, сокрытие, зашифрованность информации. Стратегия уклонения от ответа реализуется с помощью

большого многообразия таких тактик, как тактика уклонения от комментирования, переключение на другую тему, игнорирование вопроса, переадресация вопроса интервьюеру, ответ вопроса на вопрос указание на неактуальность вопроса.

## ГЛАВА 2. ТАКТИКИ УХОДА ОТ ОТВЕТА В РЕЧИ СОВРЕМЕННЫХ ПОЛИТИКОВ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ)

### 2.1. Общая характеристика тактик ухода от ответа в политическом дискурсе

Материалом исследования (из источников) послужили речевые фрагменты, репрезентирующие техники ухода от ответа. Материал взят из следующих источников: 90 интервью из таких интернет-изданий, как «Аргументы и факты», «Российская газета», «Взгляд», «The Guardian», «The New York Times», «Los Angeles Times», «The Telegraph» «The Times» «The Independent»; 4 телепередачи: «Дело принципа», «Право голоса», «Время покажет», «Свобода слова»; 4 пресс-конференций: «Заседание Совета Безопасности», «Совещание с членами Правительства», «Прямая линия с В.В. Путиным», «Daily Press Briefings».

За время исследования в речи политиков было выделено 377 случаев уклонения от прямого ответа. Анализ ответов на задаваемые политическим деятелям вопросы позволяет выделить следующие **тактики ухода от ответа**:

- отказ от комментирования (19% в речи российских политиков и 18% в речи зарубежных);
- ссылка на отсутствие необходимой информации (16% в речи российских политиков и 15% в речи зарубежных);
- тактика апелляции к другому источнику (14% в речи российских политиков и 14% в речи зарубежных);
- переключение на другую тему (13% в речи российских политиков и 10% в речи зарубежных);
- тактика обобщения (11% в речи российских политиков и 9% в речи зарубежных);
- выражение сомнения в правомерности ответа на вопрос (10% в речи российских политиков и 7% в речи зарубежных);
- игнорирование вопроса (7% в речи российских политиков и 10% в речи зарубежных);

- тактика ответа вопросом на вопрос (4% в речи российских политиков и 7% в речи зарубежных);
- тактика признания вопроса без последующего ответа на него (3% в речи российских политиков и 6% в речи зарубежных);
- тактика указания на неактуальность вопроса (3% случаев в речи российских политиков и 4% в речи зарубежных);

Более подробно мною были изучены такие тактики ухода от ответа, как: отказ от комментирования, ссылка на отсутствие необходимой информации, апелляция к другому источнику, переключение на другую тему, тактика обобщения, выражение сомнения в правомерности ответа на вопрос, а также игнорирования вопроса. Во время политической коммуникации именно к этим тактикам чаще всего прибегают политики.

## 2.2. Тактика отказа от комментирования

Одной из наиболее часто употребляемых тактик стратегии уклонения от ответа является тактика отказа от комментирования. К её использованию зачастую прибегают в тех случаях, когда речь идёт об очень острых международных вопросах и любой ответ может расцениваться как политическая агрессия.

Рассмотрим тактику отказа от комментирования на примере выступления российских политиков.

В конце января 2014 года в американские СМИ просочилась информация о том, что Россия нарушает договор о ликвидации баллистических ракет. Ответ американским СМИ дал министр иностранных дел Сергей Лавров:

*«Я об утечках информации никогда не говорю, не комментирую их. Американцы, конечно, тоже могут высказывать через такие каналы сомнения в отношении нас. Но делать это на публике, я думаю, не помогает делу»,* – добавил российский министр («Лавров отказался комментировать сообщения о нарушении...»).

Как видим, данная тактика реализуется при помощи глагола «комментировать» с отрицательной частицей «не», также используется синтаксический параллелизм («не говорю, не комментирую»). Помимо этого, происходит усиление за счет отрицательного местоимения «никогда».

Тактику отказа от комментирования можно также увидеть в ответе пресс-секретаря главы государства Дмитрия Пескова в связи с предложением наложения ареста на государственные активы.

*«Это я никак не комментирую»* («Песков отказался комментировать обращение экс-акционеров ЮКОС...»).

Уклонение от комментария выражается конструкцией с отрицанием «никак не комментирую»: отказ от комментирования усилен отрицательным наречием «никак».

В первых числах сентября 2015 года произошел конфликт между Рамзаном Кадыровым и судьей Южно-Сахалинска Натальей Перченко, которая признала книгу «Мольба к Богу: её значение и место в Исламе» экстремистским материалом. В связи этим журналисты задали Сергею Пескову следующий вопрос:

- *«Вы не могли бы прокомментировать ситуацию, сложившуюся вокруг решения судьи Перченко о признании экстремистским материалом книги «Мольба к Богу» и последовавшей затем реакции Рамзана Кадырова?»*

- *«Нет, не мог бы»* («Дмитрий Песков не стал комментировать слова Кадырова...»).

Ответ Сергея Пескова является ярким примером отказа от комментирования, причем в достаточно грубой форме. В своем ответе он прибегает к использованию двойного отрицания «нет, не мог бы» (две отрицательные частицы).

Ответ Президента Российской Федерации Владимира Путина на вопрос журналистов о реакции президента Украины Петра Порошенко на поездку главы государства в Крым, также является ярким примером тактики уклонения от комментирования:



– «Президент Украины сделал заявление по поводу Вашего визита сюда и говорил о том, что это нагнетание ситуации, и сказал, что будущее Крыма – это только в составе Украины. Вы могли бы как это прокомментировать?»

- **«Нет, я ничего не комментирую в этой связи, потому что будущее Крыма определили люди, которые и живут на этой территории. Они проголосовали за воссоединение с Россией. Все. Точка»** («Путин о реакции Порошенко на Крым»).

В своем ответе президент использует двойное отрицание «нет, не комментирую», отказ от комментирования усилен отрицательным местоимением «ничего». Также Владимир Путин прибегает к использованию парцелляции «Все. Точка» во избежание последующих вопросов на эту тему.

На одном из брифингов официального представителя МИД 2012 года А. К. Лукашевича журналист задал ему следующий вопрос:

- *В случае возникновения экстренной ситуации, готова ли Россия использовать военную силу, чтобы защитить своих граждан на сирийской территории? Входит ли применение военной силы в план возможной эвакуации россиян?*

- *Пожалуй, **оставлю** этот гипотетический вопрос без комментариев* («Брифинг официального представителя...»).

Данная тактика реализуется с помощью конструкции «оставлю без комментариев». Вводное слово «пожалуй», а также отсутствие отрицательных конструкций делает ответ А. Лукашевича менее категоричным.

Что касается зарубежных политиков, отказ от комментирования является одной из излюбленных тактик ухода от ответа.

Рассмотрим это на примерах.

В одном из интервью Дональда Трампа спросили, что он думает о водном кризисе Флинта, на что он ответил:

***“I don’t want to comment on that. They’ve got a very difficult problem and I know have a very difficult time going, but I shouldn’t be commenting on Flint.”***(« Clinton, Sanders seize on Flint»).

Данная тактика реализуется при помощи глагола в отрицательной форме «don’t want to comment», а также модального глагола «shouldn’t be commenting». Использование сразу двух отрицательных конструкций является усилением отказа от комментирования, свидетельствует о нежелании политика говорить на эту тему. Использование модального глагола «shouldn’t» и речевого оборота, выражающего личностное отношение «I don’t want to» обусловлено прагматической установкой говорящего на бесконфликтное протекание коммуникативного контакта, так как это делает форму отказа более мягкой.

На одной из пресс-конференций был затронут вопрос по поводу снабжения Ирана израильскими агентами Турцией:

– *“Just going back to the Ignatius piece, and recognizing you don’t want to comment on it, I presume, specifically, but are you concerned at all that intelligence information about Iran has been compromised at all in recent years by the disclosure of Israeli assets — intelligence assets?”*

– *“I’m just not going to comment on the specific stories”* (State Dept. refuses to answer...).

Маркером тактики уклонения от комментирования в ответе Джен Псаки является отрицательная конструкция «not going to comment».

В рамках этой темы журналистом был задан еще один вопрос.

*«Are you concerned that the Turks may be hindering either you or your greatest Middle East ally, the Israelis, in getting intelligence about Iran and what’s going on inside of it? »*

– *“I’m not going to speak to this. We work with the Turks. They’re a close ally. We work with them on a range of issues* («State Dept. refuses to answer...»).

Отрицательная конструкция «not going to speak» также является показателем того, что Джен Псаки в своем ответе прибегла к тактике уклонения от комментария.

Лоре Буш в одном из интервью пришлось применить данную тактику.

- «*If Donald Trump is the Republican nominee, will you vote for him?*»

- «*Susan, I'm not going to answer. Don't ask that*» («Laura Bush on Afghan women»). Тактика реализуется за счет отрицательной конструкции «not going to answer». Использование повелительного наклонения во фразе «Don't ask that» делает ответ более категоричным, указывает на нежелание отвечать на заданный вопрос

На основе проведенного исследования можно сделать вывод, что тактика отказа от комментирования пользуется популярностью как у российских, так и у зарубежных политиков. Тактика отказа от комментирования реализуется прямой вербализацией своего намерения.

Как видим, тактике уклонения от комментирования присущи такие речевые обороты, как «не комментирую», «не буду комментировать», то есть синтаксические конструкции с отрицанием, в которых отрицательная частица относится к глаголу «комментировать»; отрицание может быть усилено отрицательным местоимением «ничего» («ничего не комментирую»), или отрицательным наречием «никак» («никак не комментирую»), также используется двойное отрицание («Нет, не мог бы») и конструкции (оставлю без комментария). В английской речи также зачастую используются глаголы в отрицательной форме («not going to comment», «not going to speak») («not going to answer»). Многочисленные отрицательные конструкции в речах русских политиков делают их ответ более грубым и категоричным («нет, не мог бы», «нет, я ничего не комментирую»), в то время как их отсутствие, а также использование модальных глаголов («shouldn't be...») и слов, выражающих личностное отношение («don't want to...») делают форму отказа от ответа более мягкой.

### 2.3. Ссылка на отсутствие необходимой информации

Такая форма ухода от ответа, как ссылка на отсутствие необходимой информации свойственна как российским, так и зарубежным политикам. Для данной тактики характерна прямая вербализация, т.е. политические деятели прямо отвечают о том, что не владеют определенной информацией, дабы избежать догадок и домыслов.

Данную тактику иллюстрирует ответ Сергея Мавроди на вопрос журналиста о Юлии Тимошенко.

- *«Что вы думаете о приговоре для нашего экс-премьера?»*

- *«В достаточной степени я не владею информацией по ее делу, чтобы делать выводы. Но с другой стороны, этой информацией никто не владеет. Даже вы, живя в Украине, знаете только то, что вам сверху преподносят.»* («Ежемесячный доход...»).

Тактика реализуется за счет конструкции с отрицанием «не владею информацией», Отрицание осуществляется при помощи отрицательной частицы не, которая относится к глаголу «владеть». Усиление также происходит за счет речевого оборота «в достаточной степени».

На одном из брифингов Марии Захаровой был задан вопрос:

- *«Будут ли создаваться специальные экономические зоны для собственников малого и среднего бизнеса в рамках этих объединений?»*

- *«Я уточню, поскольку не являюсь экспертом по малому и среднему бизнесу»* («Брифинг официального представителя МИД России М.В.Захаровой»).

Во время ответа М.В. Захарова ссылается на свою некомпетентность по данному вопросу, что иллюстрирует конструкция с отрицанием «не являюсь экспертом», тактика уклонения от ответа также реализуется посредством глагола «уточню», который подразумевает под собой тот факт, что представитель МИД не уверена в достоверности или правильности той информации, которой обладает.

В последующем вопросе Мария Захарова также применила данную тактику.

- *«Дипломатические источники сообщают, что банк «Сосьете Женераль» закрывает счета российских дипломатов, работающих в Париже. Не могли бы Вы это прокомментировать?»*

- *«Я уточню, идет ли речь именно об этом банке. Периодически у нас были ситуации, когда на счета, в том числе дипломатических представительств, накладывались аресты, а потом эти решения отзывались. **Обязательно перепроверю эту информацию**»* («Брифинг официального представителя МИД России М.В.Захаровой»).

В данном примере мы видим, что Мария Захарова также используют фразу «Я уточню», которая указывает на отсутствие достаточной для ответа информации. Словосочетание «перепроверю информацию» подразумевает под собой сомнение в действительности имеющейся информации, а также готовность предоставить её в следующий раз, наречие «обязательно» добавляет данной фразе экспрессивности.

Во время одного из брифингов Сергею Лаврову был задан следующий вопрос:

- *«Как Вы думаете, какова истинная цель турецкой стороны в атаке на российский самолет? Как отреагировали международные органы на произошедшее? Будет ли российская сторона требовать расследования данного инцидента на международном уровне?»*

- *«Я не могу судить об истинных целях. У нас достаточный массив информации, которая подтверждает, что это был преднамеренный, спланированный акт...**Не буду гадать и спекулировать**.»* («Интервью Министра иностранных дел России»).

Данная тактика реализуется с помощью отрицательных конструкций «не могу судить», «не буду гадать», «не буду спекулировать», которые указывают на то, что политик не владеет достоверной информацией по

данному вопросу, и, дабы не ввести в заблуждение собеседника, предпочитает уклониться от ответа.

Рассмотрим применение данной тактики на примерах зарубежных политиков.

В одном из брифингов представитель госдепа Марк Тонер отвечал на вопрос, касающийся России и Турции:

*-«You're saying Turkey has the right to defend itself; President Obama said the same thing. What defense are you talking about? Does anyone think Russia was going to attack Turkey? »*

*- «Again, I mean, this is...»*

*- «Do you think so? »*

*- «Look, I don't want to parse out this incident. I said very clearly that we don't know all the facts yet, so for me to speak categorically about what happened is – frankly, would be irresponsible» («Is it Terrorism or is it Religion? »).*

Данная тактика реализуется за счет прямой конструкции с отрицанием «don't know all the facts». Марк прямо говорит о своей некомпетентности «we don't know» так как считает, что было бы безответственно делиться своими домыслами, не зная о реальном состоянии вещей. Эффект также усиливается за счет конструкции «said very clearly».

Данная тактика также встречается в речах представитель госдепа Д. Псаки. В одном из интервью ей задали вопрос по поводу убийства американского писателя Авиджита Роя исламистами:

*- «Do you believe that it was anything more than just a murder? It certainly seems that the circumstances surrounding it would indicate that it is».*

*- **We don't have more information** at this point. We, of course, will provide consular assistance as is appropriate. We're also – stand ready to assist in the investigation if asked («Jen Psaki On Islamists Hacking...»).*

Тот факт, что Джен Псаки ушла от ответа, ссылаясь на отсутствие информации, иллюстрирует конструкция с отрицанием «don't have more

information», маркером которой является глагол в отрицательной форме «don't have» и относящееся к нему слово «information».

Следующим примером является ответ представителя госдепа Мари Харф:

- «*So foreign fighters. And are those mostly from Europe? Is that your understanding?*»

- «*I don't know the answer to that. I can check and see if there's more of a breakdown*» ( «Daily Press Briefing, August 20, 2014»).

Данная тактика реализуется за счет прямой конструкции «don't know the answer», что демонстрирует её некомпетентность относительно данного вопроса. Свою неосведомленность Мари Харф пытается компенсировать за счет фразы «I can check and see»

Данное исследование показало, что тактика ухода от ответа в связи с отсутствием информации широко используется российскими и зарубежными политиками. Для неё характерны такие конструкции с отрицанием, как «не владею информацией», «нет данных» «не буду гадать», «не буду спекулировать», «не могу судить», а также речевые обороты «перепроверю информацию», «уточню», усиление придают такие наречия, как «обязательно» и «непременно»; в английской речи отрицательные конструкции: «I don't know the answer», «don't have more information», «don't know all the facts», в которых используется глагол в отрицательной форме «don't have», «don't know», а также слово «information».

#### **2.4. Тактика апелляции к другому источнику**

Тактика апелляции к другому источнику пользуется популярностью в речи как российских политиков, так и зарубежных. Апелляция к другому источнику позволяет политику успешно уклониться от ответа в случае недостаточной осведомленности касательно заданного вопроса, или нежелания отвечать на него совсем.

Рассмотрим данную тактику в речи российских политиков на примере ответа Марии Захаровой:

- *«Какими источниками пользуется «Ростуризм» при составлении своих рекомендаций при посещении тех или иных стран?»*

*«Вы знаете, что касается материалов «Ростуризма», то, конечно, было бы лучше, чтобы это Вам прокомментировало само ведомство»* («Брифинг официального представителя МИД России М.В. Захаровой»).

В данном случае тактика реализуется за счет использования речевого оборота «было бы лучше, чтобы прокомментировало», также назван конкретный источник, на который ссылается политик «само ведомство». Наличие сослагательного наклонения «было бы лучше» делает высказывание более вежливым.

- *«После каждого обострения на линии соприкосновения в Нагорном Карабахе возобновляется переговорный процесс, который потом как-то отапливается. До каких пор это может продолжаться?»*

- *«Вы задаете мне вопрос как представителю страны-посредницы, в то время как Ваш вопрос должен быть адресован сторонам-участникам конфликта... Этот вопрос должен быть обращен к ним, а не к нам»* («Брифинг официального представителя МИД России М.В. Захаровой»).

Данный пример иллюстрирует тактику апелляции к другому источнику с помощью конструкции «вопрос должен быть адресован» и «вопрос должен быть обращен». Политик также указал конкретный источник, на который он ссылается «сторонам-участникам». Усиление происходит за счет повторения краткого прилагательного «должен», а также противопоставления «к ним, а не к нам».

Следующим примером данной тактики является пример из брифинга А.А. Лукашевича:

- *Президент России В.В.Путин сказал, что реакция на «закон имени С.Магнитского» не должна быть «запредельной». Означает ли это, что Россия ограничится симметричными мерами?*



- *«Давайте дождемся реакции наших парламентариев, которые, как вчера отметил Президент России, взяли инициативу в плане реакции на недружественный шаг американских законодателей»* («Брифинг официального представителя МИД России А.К.Лукашевича»).

В данном примере также указан конкретный источник, на который ссылается А. Лукашевич «наших парламентариев», помимо этого политик употребляет в своем высказывании частицу «давай» с конструкцией «ждемся реакции», которая побуждает собеседника переключить внимание на другой источник.

- *«В конце октября официальный представитель МВД Украины В.Полищук заявил, что «исчезновение» российского гражданина Л.Развозжаева в Киеве было организовано спецслужбами России. Прокомментируйте это заявление. Если это соответствует действительности, то на каком основании проводилась такая спецоперация?»*

- *«Первый вопрос Вы задали не по адресу – его нужно адресовать тому должностному лицу на Украине, которое об этом заявило»* («Брифинг официального представителя МИД России А.К.Лукашевича»).

В данном случае тактика реализуется с помощью речевого оборота «вопрос не по адресу» и конструкции «нужно адресовать должностному лицу». Также указывается источник «должностному лицу».

В речи зарубежных политиков тоже довольно часто можно встретить тактику апелляции к другому источнику.

Рассмотрим на примере высказывания Марка Тонера.

- *«And would the U.S. welcome an independent investigation by perhaps an international body into this night raid in Gardez, in Afghanistan?»*

- *«Without knowing the specifics, I'm just not – it sounds like an investigation was carried out by the U.S. military. I'd have to refer you to them to speak to whether an additional investigation would be warranted»* («Daily Press Briefings , DC June 2, 2016 »).

Тактика реализуется за счет конструкции «have to refer you to them». Политик указывает источник, на который ссылается «them» (U.S. military). Модальный глагол «have to» указывает на то, что политик вынужден апеллировать к другому источнику по причине недостаточной осведомленности поданному вопросу «without knowing the specifics».

*«What should countries hosting U.S. soldiers expect when even with apologies, there is little to no accountability when things go terribly wrong?»*

*«Well, a couple of thoughts – and again, **not having** in front of me **the specific report** or incident that you're referring to, and **I would have to refer** you to the Department of Defense to really talk about the details of that incident»* («Daily Press Briefings , DC June 2, 2016 »).

Тактика также реализуется за счет конструкции «have to refer you to them». Политик указывает источник, на который ссылается «Department of Defense» (U.S. military). Модальный глагол «have to» также указывает на необходимость апеллирования к другому источнику по причине недостаточной осведомленности («not having in front of me the specific report»).

Тактика апелляции к другому источнику также встречается в речах спикера Госдепа США Джона Кирби.

- *«North Korea Worker's Party vice chairman Ri Su Yong visited China today, and met with Xi Jinping, Chinese. Do you have any comment on this?»*

*«We're aware of the reports of that visit. **I'd refer you to officials in Beijing to speak to that**»* («Daily Press Briefings, DC June 1, 2016 »).

В данном случае тактика реализуется за счет конструкции «I'd refer you to officials». Политик признает, что он обладает достаточной информацией касательно данного вопроса («aware of the reports of that visit»), однако предпочитает уклониться от ответа, используя апелляцию к другому источнику «officials in Beijing».

- *«If understand right, and tomorrow you're going to have press and organ*

*izers helping her spread propaganda in the United States. So, what does that say about your sanctions? »*

*- «Doesn't mean that the sanctions aren't still valid, Brad. I mean, the – they still are. And again, I think for further explication about that, I'd refer you to the Treasury Department» («Daily Press Briefings, DC June 1, 2016 »).*

Начав отвечать на поставленный вопрос, Джон Кирби внезапно решает уйти от ответа посредством апелляции к другому источнику «Treasury Department», данная тактика реализуется с помощью конструкции «I'd refer you to».

Таким образом тактика апелляции к другому источнику пользуется популярностью в речи как российских политиков, так и зарубежных. Тактика реализуется за счет конструкций «вопрос должен быть адресован», «вопрос нужно адресовать» «вопрос не по адресу», также может использоваться сослагательное наклонение («было бы лучше»), которое делает ответ более мягким и вежливым; в английской речи употребляются такие конструкции, как «I'd refer you», «I'd have to refer you». И российские и зарубежные политики в своем ответе называют конкретный источник, на который они ссылаются в поставленном вопросе. Апелляция к другому источнику позволяет политику успешно уйти от ответа в случае недостаточной осведомленности касательно заданного вопроса, нежелания отвечать на него по иным причинам.

## **2.5. Тактика переключения на другую тему**

Как упоминалось ранее, уклонение от ответа является реакцией нежелания сотрудничать с говорящим. В частности, может быть выбрана тактика переключения, когда собеседник реагирует не на сам вопрос, а переводит разговор на другую тему.

Данная тактика свойственна как зарубежным, так и российским политикам.

Например, на одной из пресс-конференций, Владимиру Путину был задан провокационный вопрос:

– *«Вы еще собираетесь терпеть Чубайса во власти? Ну и традиционный вопрос для огромного количества россиян: когда его посадят наконец за решетку?»*

– *«Анатолий Борисович Чубайс остаётся такой нужной очень для нас фигурой, на которую постоянно общественное мнение отвлекается, когда что-то не нравится. Много было всего ошибочного, но то, что эти люди имели такое мужество, это факт очевидный. Имели мужество на преобразования. Там много всего смешного. Например, в окружении Анатолия Борисовича в качестве советников, как выяснилось сегодня, работали кадровые **сотрудники ЦРУ США**. Но смешнее то, что по возвращении в США их привлекали к суду за то, что они в нарушение законов своей страны обогащались в ходе приватизации в Российской Федерации. И не имели на это права как действующие офицеры разведки. Им по закону внутри США запрещено было заниматься какой бы то ни было коммерческой деятельностью, но они не удержались - коррупция, понимаешь. Теперь по поводу ответственности. Они ведь сами сказали о том, что разместили деньги неэффективно. Можно ли в такой сфере, как **нанотехнологии**, всё сделать безошибочно, с абсолютной прибылью, мне трудно сказать, но – наверное. Ведь они на чем там «горят»? «Горят» на нетрадиционной энергетике, на кремнии» («Прямая линия с В.В. Путиным»).*

В своем ответе Владимир Путин вводит две микротемы «работа сотрудников ЦРУ» и «нанотехнологии», а затем начинает развивать эти темы, уходя от поставленного журналистом вопроса. Это доказывает применение Владимиром Путиным тактики переключения на другую тему. Маркерами ухода от темы служат такие конструкции, как «возвращении в США их привлекали к суду», «это один из генеральных путей развития науки, техники, технологий».

Также Владимир Владимирович Путин высказал свое мнение по поводу преступления в отношении Бориса Ефимовича Немцова. Однако в данном примере можно увидеть, что Владимир Владимирович уходит от темы и отвечает совершенно на другой вопрос.

– *«Вы имели возможность разговаривать с Рамзаном Кадыровым, вы разговаривали с ним о расследовании этого дела? Что вы ему сказали? Он вас убедил в невиновности этих людей?»*

– *«С Борисом Немцовым я был знаком лично и у нас не всегда были дурные отношения. Я-то вообще с ним никогда **отношений не портил**. Он избрал такой путь политической борьбы, атак личных и так далее. Но я к этому привык, не он один. Но совсем **не факт, что человека надо убивать**»* («Большая пресс-конференция Владимира Путина. Онлайн-репортаж»).

Президент вводит 3 микротемы: степень знакомства с политиком («был знаком лично»), отношения я ним («отношений не портил»), мнение о случившемся («не факт, что человека надо убивать»). Данные конструкции не имеют ничего общего с вопросом о разговоре с Рамзаном Кадыровым, что доказывает, что была использована тактика переключения на другую тему.

Петр Порошенко также ушёл от ответа на вопрос, кто ему ближе: Трамп или Клинтон.

- *«Я полагаюсь на ответственный **выбор американского народа**»* («Петр Порошенко признался...»).

В своем ответе он отклонился от темы, путем введение новой микротемы о выборе американского народа, а не о своем личном мнении.

В 2003 году министру иностранных дел России был задан вопрос:

- *«Если США начнут войну против Ирака в одностороннем порядке, встанет ли Россия на защиту Ирака?»*

- *«Мы сейчас выступаем за **политическое урегулирование ситуации** вокруг Ирака. Мы и дальше будем использовать только политические методы для того, чтобы остановить войну и вернуть процесс*

урегулирования в политическое русло» («Ответы Игоря Иванова читателям Би-би-си»).

В данном примере создается иллюзия ответа, однако журналист не получает информации относительно поставленного им вопроса. Игорь Иванов вводит микротему «политическое урегулирование», что позволяет ему успешно уклониться от прямого ответа.

Также в ходе прямой линии вопрос президенту был задан вопросом от жителя Симферополя, он поинтересовался, может ли Владимир Владимирович пообещать крымчанам, что будет баллотироваться в 2018 году. Владимир Владимирович ответил:

*«Я в таких ситуациях говорю одно и то же и хочу еще раз повторить. Нам надо думать не о том, где и как мы будем работать в будущем. Надо думать о том, как **оправдать доверие людей** сегодня, как **добиться целей, выполнить обещания**».* («Владимир Путин ушел от ответа на вопрос...»).

Владимир Путин также не ответил на вопрос, а лишь применил тактику уклонения от темы, в его ответе была введена микротема о достижении совместной цели и оправдания доверия людей.

Тактика переключения на другую тему достаточно часто встречается и в высказываниях зарубежных политиков.

Рассмотрим данную тактику на примере Барака Обамы, который ответил на один из вопросов Стива Крофта следующим образом:

- *«Are you in sync with Secretary Paulson in terms of how the \$700 billion is being used?»*

- *«Well, look, Hank Paulson has worked tirelessly under some very difficult circumstances... **But I'm less interested in looking backwards than I am in looking forwards**».* («Interview with Steve Kroft»).

Как мы видим, Барак Обама не дает конкретного ответа по поводу потраченных средств. Однако мы также не видим и четкого уклонения от ответа, который бы выражался «отговоркой», поводом или предлогом.

В данном примере президент продолжает говорить, создается иллюзия ответа, но интервьюер не получает информацию относительно поставленного им вопроса, что иллюстрирует микротема «Paulson has worked tirelessly». Также президент применяет приемы манипуляции, выраженные через вводные слова «well», «look». Эпитеты «tirelessly» и «very difficult» подчеркивают серьезность проблемы, но не объясняют их. Союз «but» обрывает логическое следование высказывания, тем самым направляя нас к новой мысли. Построенная с помощью сравнения параллельная конструкция в последнем предложении на лексическом и синтаксическом уровнях уводит слушателя от темы вопроса.

Тактику переключения на другую тему в речи зарубежных политиков мы также рассмотрим на примере представителя Госдепартамента США Джен Псаки:

– «*With the Minsk agreement, do they comply? You pass a judgment that Russia is not complying with the agreement, can you assess whether Ukraine is complying? ».*

– «*I listed a range of **specific ways Russia is not complying***». («Psaki wiggles out of RT's...»).

В данном случае тактика реализуется за счет введение новой микротемы, основным маркером которой является собственное имя существительное «Russia». Микротема «specific ways Russia is not complying» не связана с основным вопросом журналиста по поводу Украины, что свидетельствует об уклонении от ответа путем косвенных средств речевого воздействия.

– «*Under the agreement sides must avoid deploying and using heavy artillery. Isn't it what the Ukrainian government is doing right now? »*

– «*First of all, let's start again with the fact that **Russia has illegally intervened** in Ukraine and come into a country that was a sovereign country. So I am not sure that you are proposing that a **sovereign country** doesn't have the right to defend themselves*» («Psaki wiggles out of RT's...»).

В данном примере Дженифер Псаки уклонилась от темы разговора также путем введения новой микротемы о России, о чем свидетельствует маркер в виде имени собственного «Russia». Также Д. Псаки прибегает к использованию словосочетаний, обладающими обобщенное значение «sovereign country», которое создает иллюзию ответа об Украине, тем самым уклоняясь от главного вопроса об украинском правительстве.

Данная тактика встречается и в следующем ответе Барака Обамы:

- «*But you don't want the Muslim Brotherhood ....*»

- «*What I want is a representative government in Egypt. And I have confidence that if Egypt moves in an orderly transition process, that we will have a government in Egypt that we can work with together as a partner*» (Obama's Foxy Evasions).

В данном случае приключение на другую тему происходит за счет перенаправления диалога. Тема остается практически той же той же, что создает ложное впечатление продолжения идеи интервьюера, однако искусственно внедряется рема (то, что со своей стороны продвигает политик) «What I want is a representative government»

Тактика переключения на другую тему популярна как у российских, так и у зарубежных политиков. Характерной особенностью тактики переключения является то, что вводится другая микротема с использованием лексических единиц, которые никак не связаны с тематикой заданного вопроса, либо вводится рема (то, что со своей стороны продвигает политик), которая также помогает политику уклониться от ответа.

## 2. 6. Тактика обобщения

Одной из тактик, реализующих стратегию уклонения от прямого ответа в политической речи, является тактика обобщения. Тактика обобщения является достаточно частотной и представляет собой такой способ уклонения от прямого ответа, при котором говорящий дает ответ не на конкретно



поставленный вопрос, а обобщает тему разговора, а затем и вовсе переводит его на другую тему.

Для начала рассмотрим данную тактику на примере высказываний российских политиков. Во время прямой линии двенадцатилетняя девочка поинтересовалась у президента Владимира Путина, кого бы он спас первым, если бы тонули Порошенко (президент Украины) и Эрдоган (президент Турции). На что Владимир Владимирович ответил:

- *«Если **кто-то** решил утонуть, то спасти его уже невозможно. Но мы, конечно, готовы протянуть руку помощи и дружбы **любому** нашему **партнеру**, если он сам этого хочет».* («Путин ушел от ответа...»).

В своем ответе президент грамотно ушел от ответа, применяя тактику обобщения. Он использовал в своем высказывании неопределенное местоимение «кто-то», а также определительным местоимением «любому» что позволило обобщить высказывание и тем самым уклониться от прямого ответа, слово «партнер» также может расцениваться как обобщающее слово, так как под ним подразумевается, не определенное лицо, а целая группа людей.

Следующим примером служит глава комитета по природопользованию Санкт-Петербурга Игорь Григорьев. Он уклонился от прямого ответа на вопрос о том, куда поступают отходы, которые раньше привозили на Красный Бор.

- *«**Россия** большая, и полигонов, куда можно возить отходы такого класса опасности, достаточно».* («В комитете по природопользованию...»).

В его реплике передается определенная информация, но расценивать данную информацию как конкретный, прямой ответ не приходится. В данной реплике обобщающим существительным является слово «Россия», так как вместо указания определенного места, Игорь Григорьев говорит о всей стране.

В 2003 году министра иностранных дел И.С. Иванов в одном из интервью также прибегнул к использованию тактики обобщения.

- *«Вы говорите, что у вас близкие позиции с Францией, но значит ли это, что они одинаковые, что обе страны будут действовать одинаково?»*

- *«Вы знаете, **каждая страна** суверенна и независима и, в конечном счете, сама принимает решение, как голосовать. Мы не обсуждаем вопросы голосования, мы обсуждаем **наши позиции** и **наши подходы**».* («Ответы Игоря Иванова читателям Би-би-си»).

Данная тактика реализуется за счет употребления обобщающего местоимения «каждая» («каждая страна»), а также притяжательного местоимения «наши», повторение которого («наши позиции», «наши подходы») делает ответ политика более экспрессивным.

В 2009 году на брифинге официального представителя МИД России А.А. Нестеренко был задан следующий вопрос:

- *«Недавно в России была создана новая структура, отвечающая за благоприятный имидж России за рубежом. Как известно, ранее этим вопросом занималась структура, подотчетная Министерству иностранных дел. С чем связана необходимость создания новой организации, и почему МИД больше не занимается этим вопросом?»*

- *«Я бы не сказал, что вопрос создания благоприятного имиджа в России, это только задача одного Министерства иностранных дел. Это **общегосударственная задача**, над решением которой работают **все министерства и ведомства**»* («Брифинг официального представителя МИД...»).

Тактика реализуется за счет использования слова, обладающего обобщенным значением «общегосударственная» («общегосударственная задача»), а также обобщающего местоимения «все» («все министерства», «все ведомства»), которые позволяют политику уклониться от прямого ответа на поставленный вопрос.

Данная тактика встречается в речах бывшего пресс-секретаря Госдепа США Джен Псаки:

- « *Why not call them – call out countries that are not pulling their weight here?*»

- «*Well, we certainly think **all of you** can go determine who can do more and who has the capability to do more, and we rely on **all of you** to do that*» («Daily Press Briefing...»).

В данном примере тактика обобщения реализуется с помощью обобщающего местоимения «all». Двойного употребление данного местоимения несет в себе экспрессивный характер, делая ответ более значимым и глобальным.

Тактику обобщения использует в своей речи и представитель Государственного департамента США Мэри Харф.

- «. *Apparently, the president was not too happy when the ambassador inserted himself into a debate on whether or not the Czech leadership was supposed to be in Moscow on May 9th ...I was hoping you might say something on that, and I wanted to ask you if you think your ambassador acted appropriately in the situation*»

- «*Well, **the United States** certainly understands the desire to honor **all those** who sacrificed in World War II. And of course, **each country** can make its own decisions about attendance*» («Daily Press Briefing, DC April 6, 2015 »).

В данном примере Мари Харф не дает прямого ответа на поставленный вопрос, а уклоняется от ответа при помощи обобщения, используя обобщающие местоимения «all those» и «each», собственное имя существительное «The United States», а также такие обобщающие слова, как «World War II» и «country» (each country)

- «*Let's say, Russia or China or any of the permanent five do trade and so on independent of the rest.*

- «*Well, **each** country is a different because we all have different sanctions*» («Daily Press Briefing, DC April 6, 2015 »).

В своем ответе политик прибегнул к тактике обобщения, которая реализуется также посредством обобщающих местоимений «each» и «all».

Таким образом, и в русском и в английском языке тактика обобщения представлена, в основном, лексико-грамматическими средствами языка: словами и словосочетаниями, обладающими обобщенным значением (например, названиями стран); словами, усиливающими или повышающими экспрессивность всего высказывания (например, повторы), а также обобщающими и обобщенно-личными местоимениями «кто-то», «любой», «каждый» «все» - в речи российских политиков, и «all» «each» «every» «everything» - в английской. Ответная реплика зачастую является неинформативной и не может расцениваться как ответ на поставленный конкретно вопрос. В таком ответном ходе передается определенная информация, но заданная цель собеседника не реализуется. Вместо того, чтобы ответить на вопрос и, тем самым, реализовать интенцию собеседника, говорящий достигает своей цели – уклоняется от прямого ответа.

## **2.7. Тактика выражения сомнения в правомерности ответа на вопрос**

Отказ от ответа в связи с нехваткой полномочий также пользуется большой популярностью как у российских, так и у зарубежных политиков. Зачастую политические деятели прибегают к данной тактике, чтобы увернуться от вопросов частного характера или дел, которые считаются государственной тайной.

Рассмотрим данную тактику на примере речи российских политиков.

Дмитрий Песков, пресс-секретарь президента РФ, прокомментировал появившуюся информацию о возможном замужестве бывшей жены президента Людмилы Путиной следующим образом:

*"Людмила Александровна является экс-супругой, вы знаете, что Владимир Владимирович и Людмила Александровна в разводе, и, соответственно, в данном случае я не имею полномочий что-либо*

*говорить о Людмиле Александровне, о ее личной жизни"*(«Песков отказался комментировать о новом браке...»).

Как видим, для реализации тактики используются речевые обороты, выражающие сомнения в этической правомерности ответа на вопрос (*«я не имею полномочий что-либо говорить»*). Для этого в конструкциях с отрицанием используются слова «полномочие».

Дмитрий Песков также отказался отвечать на вопрос частного характера, связанный с дочерью Владимира Владимировича Путина.

*«Мы традиционно не комментируем никакие темы и никакие сообщения, в которых утверждается, что они имеют отношение к семье президента», — сказал Песков* («Песков отказался комментировать публикацию...»).

Конструкция «мы не комментируем» иллюстрирует тактику отказа от комментирования, однако связана она с отсутствием полномочий, так как предполагается, что ответ будет содержать информацию о личной жизни дочери президента («имеют отношение к семье президента»). Усиление происходит за счет наречия «традиционно».

На одном из брифингов Мария Захарова также применила данную тактику:

- *«На территории Египта сейчас находится полторагодовалая девочка, которую родители отвезли туда на лечение, но она там подхватила заражение. Планируется ли возвращать эту девочку спецрейсом? Повлияет ли эта ситуация на отношения с Египтом?»*

- *«Мы комментировали эту тему не так давно. Полноформатно мы говорить об этом не можем, потому что речь идет о персональных данных, и, тем более, о ребенке»* («Брифинг официального представителя...»).

Тактика реализуется за счет отрицательной конструкции «не можем говорить», которая непосредственно связана со словосочетанием

«персональных данных» и «о ребенке», экспрессивность выражению придает составной союз «тем более».

- *«Следит ли российский МИД за ходом предвыборной кампании в США? Можете ли Вы прокомментировать риторику эксцентричного американского миллиардера Д.Трампа, которого Президент России В.В.Путин назвал безусловным лидером предвыборной гонки, и считаете ли его реальным претендентом на президентское кресло?»*

- *«Мы традиционно не комментируем президентские гонки ни в США, ни в других странах, поскольку это внутреннее дело того или иного государства и вопрос выбора американского народа»* («Брифинг официального представителя...»).

Отрицательная конструкция «мы не комментируем» также иллюстрирует тактику отказа от комментирования в связи с нехваткой полномочий, так как связанные с ней фразы «внутреннее дело государства» и «выбора американского народа» указывают на то, что политик не хочет вмешиваться в дела другой страны и предпочитает уклониться от ответа. Усиление также происходит за счет наречия «традиционно».

В одном из своих ответов Министр иностранных дел С.В. Лавров также применил данную тактику.

- *«Как Вам показалось во время обсуждения, окончательно ли решение о размещении системы ПРО США в Польше и Чехии или это тот вопрос, который будет обсуждаться с возможностью его корректировки? На Ваш взгляд, была ли единая позиция на СРН всех членов альянса по этому вопросу?»*

- *«Заседание – закрытое. Я не считаю себя вправе подробно рассказывать, кто и что говорил. (Выступление Министра иностранных дел...»).*

В данном случае тактика реализуется за счет речевого оборота, выражающего сомнение в правомерности ответа (не считаю вправе

рассказывать) . Для этого в конструкции было использовано наречие «вправе».

Выражение сомнения правомерности ответа на вопрос прослеживается и в речах зарубежных политиков.

Ответы представителя госдепа Мари Харф являются ярким примером использования данной тактики.

-«*Why here and not elsewhere?*»

- «*Those are historical conversations that I think are not inappropriate, but that **aren't appropriate for me to discuss or opine** on from up here*». («Daily Press Briefing. August 8, 2014»)

Данная тактика реализуется через конструкцию с отрицанием «aren't appropriate to discuss» «aren't appropriate to opine». К слову «appropriate» лексическое значение которого - подходящий, подобающий, свойственный, также присоединяется фраза «for me», которая указывает на сомнение в правомерности ответа на вопрос.

-«*Well, but it sounds as if – it sounds credible. So why – you can just say if this happened to your colleague, then we think it's a bad thing.*

- «*Because I'm not going to comment on what happens in the United States from the State Department podium. **I really don't think that's appropriate***» («Daily Press Briefing. August 8, 2014»).

Отрицательная конструкция «not going to comment» иллюстрирует тактику отказа от комментирования, однако отказ от комментирования связан с тем что, Мари Харф считает разглашение данной информации неприемлемым. Мари Харф в своем ответе использовала конструкцию с отрицанием «don't think that's appropriate». Для усиления также используется наречие «really» («really don't think»).

- «*Sure. So you would welcome – or the Administration, the Federal Government would welcome – even though, as you say, Department. This is a domestic situation in one U.S. state, you would welcome international observers, international human rights monitors, groups, to go...»*

- *«There is a process taking place right now domestically in this country there in Ferguson. The President has spoken about it. The Attorney General is going there. It's **not appropriate for me to comment** on a process that is a **purely domestic one**»* («Daily Press Briefing. August 19, 2014»).

В своем ответе Марк Тонер использует отрицательную конструкцию «not appropriate for me to comment», в которой выражает сомнения по поводу правомерности ответа на вопрос, так как считает, что это вопрос частного характера, об этом свидетельствует фраза «purely domestic».

Данная тактика характерна как для российских, так и для зарубежных политиков. Для реализации тактики используются речевые обороты, выражающие сомнения в правомерности ответа на вопрос («я не имею полномочий что-либо говорить...», «не считаю вправе»). Для этого в конструкциях с отрицанием используются слова «полномочие», «право». Также используются такие словосочетания, как «персональные данные», «отношение к семье». В английской речи для этой тактики характерны конструкции с отрицанием «don't think that's appropriate», «it's not appropriate to comment», «aren't appropriate to discuss», в которых слово «appropriate» относятся такие глаголы как «to discuss», «to comment», «to opine» («not appropriate for me to comment», «aren't appropriate for me to discuss or opine»).

## **2.8. Тактика игнорирования вопроса**

Тактику игнорирования вопросов можно встретить в речи как российских, так и зарубежных политиков. Однако зарубежные политические деятели используют её чаще.

Рассмотрим данную тактику на примере президента РФ Владимира Путина.

– *«Будете ли вы защищать тех граждан, которые сейчас подвергаются досудебным расправам?»*

– *«Давайте второй вопрос»* («Путин «не услышал» вопрос...»).



Ответа на вопрос не последовало, тактику игнорирования вопроса иллюстрирует реплика-просьба «Давайте второй вопрос», цель которой – переключение темы разговора.

Игнорирование вопросов характерно и для зарубежных политиков. Ярким примером игнорирования вопроса также является комментарий сенатора-республиканца Марко Рубио по поводу задержания иммигрантов.

*“I read reports stating you received contributions from private prison corporations, such as GEO Group, which profits from locking up immigrants and lobbied for the 34,000 immigrant detention mandate in the federal budget...”*

*“Thanks for coming out man”* («Marco Rubio Ignores Two Questions on Immigrant Detention»).

Ответа на поставленный вопрос не последовало, вместо этого политик прибегает к использованию конструкции «Thanks for coming out», где основным маркером является реплика-благодарность «thanks».

Ответ бывшего госсекретаря США Хиллари Клинтон также иллюстрирует тактику игнорирования вопроса.

– *«Madame Secretary, any comments on the Iran deal?»*

– *«Thank you all»* («The art of the Iran deal»).

Для реализации данной тактики используется конструкция «Thank you all», где основным маркером также является реплика-благодарность «thank you», а также то, что ответа так и не последовало.

В одном из брифингов, на вопрос, касающийся Украины, Джен Псаки ушла от ответа, прибегнув к тактике игнорирования вопроса.

- *“Was it a coincidence that both times that Kiev ordered troops to east Ukraine came right on the heels of top Us officials visiting Kiev? First, it was John Brennan. This time it is Vice-president Joe Biden. Did Vice-president Joe Biden advise Kiev to take such action or was it just a coincidence?”*

– *“I think we're ready to move to a new Ukraine question!”*(«US State Department: Daily Press Briefing»).

Ответа на вопрос не последовало. Тактика реализуется при помощи конструкции «move to a new question». Усиление также происходит за счет конструкции «"I think we're ready», которая является побуждением, предложением к смене темы.

К тактике игнорирования вопроса прибегает также представитель Государственного департамента США Джон Кирби.

- *Can we move on from Syria?...No, just one more on Syria, please.*

- *Next question, please* («Daily Press Briefing Washington, DC June 1, 2016»).

Политик игнорирует заданный вопрос, используя конструкцию «Next question, please» Наречие «please» смягчает данное высказывание, делает его более вежливым

Таким образом, данную тактику можно наблюдать в речи как российских, так и зарубежных политиков. Стоит отметить, что данная тактика более популярна у иностранных политических деятелей, нежели у российских. Тактика игнорирования заключается в том, что ответ на вопрос заменяется репликами-просьбами «давайте второй вопрос», «следующий вопрос», в английской речи реализуется при помощи побуждающих конструкции «ready to move to a new question» и репликами-благодарностями «thank you all» и «thank you»

## ВЫВОДЫ ПО 2 ГЛАВЕ

Итак, проанализировав публичные выступления зарубежных и отечественных политических деятелей, мы приходим к выводу о том, что стратегия ухода встречается довольно часто в политическом дискурсе. Во время исследования было выделено 377 случаев ухода политиками от ответа, а также проанализированы 7 наиболее популярных тактик уклонения от ответа, к которым чаще всего прибегают политические деятели во время своих выступлений, а именно: отказ от комментирования (19% в речи российских политиков и 18% в речи зарубежных), ссылка на отсутствие необходимой информации (16% в речи российских политиков и 15% в речи зарубежных), тактика апелляции к другому источнику (14% в речи российских политиков и 14% в речи зарубежных), переключение на другую тему (13% в речи российских политиков и 10% в речи зарубежных), тактика обобщения (11% в речи российских политиков и 9% в речи зарубежных), выражение сомнения в правомерности ответа на вопрос (10% в речи российских политиков и 7% в речи зарубежных), игнорирование вопроса (7% в речи российских политиков и 10% в речи зарубежных).

Тактике уклонения от комментирования присущи такие речевые обороты, как «не комментирую», «не буду комментировать», то есть синтаксические конструкции с отрицанием, в которых отрицательная частица относится к глаголу «комментировать»; отрицание может быть усилено отрицательным местоимением «ничего» («ничего не комментирую»), или отрицательным наречием «никак» («никак не комментирую»), также используется двойное отрицание («Нет, не мог бы») и конструкции (оставляю без комментария). В английской речи также зачастую используются глаголы в отрицательной форме («not going to comment», «not going to speak») («not going to answer»). Многочисленные отрицательные конструкции в речах русских политиков делают их ответ более грубым и категоричным («нет, не мог бы», «нет, я ничего не комментирую»), в то время как их отсутствие, а

также использование модальных глаголов («shouldn't be...») и слов, выражающих личностное отношение («don't want to...») делают форму отказа от ответа более мягкой.

Для тактики ухода от ответа в связи с отсутствием информации характерны такие конструкции с отрицанием, как «не владею информацией», «нет данных» «не буду гадать», «не буду спекулировать», «не могу судить», а также речевые обороты «перепроверю информацию», «уточню», усиление придают такие наречия, как «обязательно» и «непременно»; в английской речи отрицательные конструкции: «I don't know the answer», «don't have more information», «don't know all the facts», в которых используется глагол в отрицательной форме «don't have», «don't know», а также слово «information».

Тактика апелляции к другому источнику реализуется за счет конструкций «вопрос должен быть адресован», «вопрос нужно адресовать» «вопрос не по адресу», также может использоваться сослагательное наклонение («было бы лучше»), которое делает ответ более мягким и вежливым; в английской речи употребляются такие конструкции, как «I'd refer you», «I'd have to refer you». И российские и зарубежные политики в своем ответе называют конкретный источник, на который [Ozj@183m08e8.com](mailto:Ozj@183m08e8.com) поставлен вопрос. Апелляция к другому источнику позволяет политику успешно уйти от ответа в случае недостаточной осведомленности касательно заданного вопроса, нежелания отвечать на него по иным причинам.

Тактика переключения на другую тему популярна как у российских, так и у зарубежных политиков. Характерных в.н

словосочетаниями, обладающими обобщенным значением (например, названиями стран); словами, усиливающими или повышающими экспрессивность всего высказывания (например, повторы), а также обобщающими и обобщенно-личными местоимениями «кто-то», «любой», «каждый» «все» - в речи российских политиков, и «all» «each» «every» «everything» - в английской. Ответная реплика зачастую является неинформативной и не может расцениваться как ответ на поставленный конкретно вопрос. В таком ответном ходе передается определенная информация, но заданная цель собеседника не реализуется. Вместо того, чтобы ответить на вопрос и, тем самым, реализовать интенцию собеседника, говорящий достигает своей цели – уклоняется от прямого ответа.

Выражение сомнения в правомерности ответа также можно встретить в речи как российских, так и зарубежных политиков. Для реализации тактики используются речевые обороты, выражающие сомнения в правомерности ответа на вопрос («я не имею полномочий что-либо говорить...», «не считаю вправе»). Для этого в конструкциях с отрицанием используются слова «полномочие», «право». Также используются такие словосочетания, как «персональные данные», «отношение к семье». В английской речи для этой тактики характерны конструкции с отрицанием «don't think that's appropriate», «it's not appropriate to comment», «aren't appropriate to discuss», в которых слово «appropriate» относятся такие глаголы как «to discuss», «to comment», «to opine» («not appropriate for me to comment», «aren't appropriate for me to discuss or opine»).

Тактика игнорирования вопроса больше пользуется популярностью у зарубежных политических деятелей. Тактика игнорирования заключается в том, что ответ на вопрос заменяется репликами-просьбами «давайте второй вопрос», «следующий вопрос», в английской речи реализуется при помощи побуждающих конструкции «ready to move to a new question» и репликами-благодарностями «thank you all» и «thank you».

## ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Фокус данной выпускной квалификационной работы был направлен на исследование типологических и языковых особенностей использования тактик ухода от ответа в современном политическом дискурсе.

В первую очередь, была описана сущность политического дискурса. Было выяснено, что политический дискурс является объектом политической лингвистики. Он представляет собой особую разновидность дискурса и имеет своей целью завоевание и удержание политической власти, манипуляцию сознанием масс, внушение определенных намерений и установок; контроль над политическим дискурсом является залогом контроля над обществом. Было установлено, что термин «политический дискурс» неразрывно связан с термином «политическая коммуникация». Некоторые исследователи (например, В.А. Маслова, Л.Н. Тимофеева) используют эти 2 термина как взаимозаменяемые, разница между ними понятиями не усматривается, в то время как другие (А.Н. Баранов, Р.В. Патюкова) отмечают, что понятия политического дискурса и политической коммуникации близки, но не тождественны, что политический дискурс понимается как феномен, создаваемый политической коммуникацией.

Следующей задачей было привести определение коммуникативной стратегии и коммуникативной тактики. Под коммуникативные стратегии подразумевается совокупность запланированных говорящим заранее, а затем реализуемых в ходе коммуникативного акта определенных ходов, которые направлены на достижение коммуникативной цели. В свою очередь под коммуникативной тактикой мы понимаем совокупность практических ходов в процессе коммуникации, целью которых является реализация коммуникативных стратегий. Целью стратегии уклонения от ответа является стремление избежать коммуникативного конфликта, вуалирование, камуфляж существа дела, сокрытие, зашифрованность информации.

Во время исследования было выделено 377 случаев ухода политиками от ответа, а также проанализированы 7 наиболее популярных тактик уклонения от ответа, к которым чаще всего прибегают политические деятели во время своих выступлений, а именно: отказ от комментирования (19% в речи российских политиков и 18% в речи зарубежных), ссылка на отсутствие необходимой информации (16% в речи российских политиков и 15% в речи зарубежных), тактика апелляции к другому источнику (14% в речи российских политиков и 14% в речи зарубежных), переключение на другую тему (13% в речи российских политиков и 10% в речи зарубежных), тактика обобщения (11% в речи российских политиков и 9% в речи зарубежных), выражение сомнения в правомерности ответа на вопрос (10% в речи российских политиков и 7% в речи зарубежных), игнорирование вопроса (7% в речи российских политиков и 10% в речи зарубежных).

Тактике уклонения от комментирования присущи такие речевые обороты, как «не комментирую», «не буду комментировать», то есть синтаксические конструкции с отрицанием, в которых отрицательная частица относится к глаголу «комментировать»; отрицание может быть усилено отрицательным местоимением «ничего» («ничего не комментирую»), или отрицательным наречием «никак» («никак не комментирую»), также используется двойное отрицание («Нет, не мог бы») и конструкции (оставлю без комментария). В английской речи также зачастую используются глаголы в отрицательной форме («not going to comment», «not going to speak») («not going to answer»). Многочисленные отрицательные конструкции в речах русских политиков делают их ответ более грубым и категоричным («нет, не мог бы», «нет, я ничего не комментирую»), в то время как их отсутствие, а также использование модальных глаголов («shouldn't be...») и слов, выражающих личностное отношение («don't want to...») делают форму отказа от ответа более мягкой.

Для тактики ухода от ответа в связи с отсутствием информации характерны такие конструкции с отрицанием, как «не владею информацией»,

«нет данных» «не буду гадать», «не буду спекулировать», «не могу судить», а также речевые обороты «перепроверю информацию», «уточню», усиление придают такие наречия, как «обязательно» и «непременно»; в английской речи отрицательные конструкции: «I don't know the answer», «don't have more information», «don't know all the facts», в которых используется глагол в отрицательной форме «don't have», «don't know», а также слово «information».

Тактика апелляции к другому источнику реализуется за счет конструкций «вопрос должен быть адресован», «вопрос нужно адресовать» «вопрос не по адресу», также может использоваться сослагательное наклонение («было бы лучше»), которое делает ответ более мягким и вежливым; в английской речи употребляются такие конструкции, как «I'd refer you», «I'd have to refer you». И российские и зарубежные политики в своем ответе называют конкретный источник, на который они ссылаются в поставленном вопросе. Апелляция к другому источнику позволяет политику успешно уйти от ответа в случае недостаточной осведомленности касательно заданного вопроса, нежелания отвечать на него по иным причинам.

Тактика переключения на другую тему популярна как у российских, так и у зарубежных политиков. Характерной особенностью тактики переключения является то, что вводится другая микротема с использованием лексических единиц, которые никак не связаны с тематикой заданного вопроса, либо вводится рема (то, что со своей стороны продвигает политик), которая также помогает политику уклониться от ответа.

И в русскоязычном и в англоязычном политическом дискурсе тактика обобщения представлена, в основном, лексико-грамматическими средствами языка: словами и словосочетаниями, обладающими обобщенным значением (например, названиями стран); словами, усиливающими или повышающими экспрессивность всего высказывания (например, повторы), а также обобщающими и обобщенно-личными местоимениями «кто-то», «любой», «каждый» «все» - в речи российских политиков, и «all» «each» «every»



«everything» - в английской. Ответная реплика зачастую является неинформативной и не может расцениваться как ответ на поставленный конкретно вопрос. В таком ответном ходе передается определенная информация, но заданная цель собеседника не реализуется. Вместо того, чтобы ответить на вопрос и, тем самым, реализовать интенцию собеседника, говорящий достигает своей цели – уклоняется от прямого ответа.

Выражение сомнения в правомерности ответа также можно встретить в речи как российских, так и зарубежных политиков. Для реализации тактики используются речевые обороты, выражающие сомнения в правомерности ответа на вопрос («я не имею полномочий что-либо говорить...», «не считаю вправе»). Для этого в конструкциях с отрицанием используются слова «полномочие», «право». Также используются такие словосочетания, как «персональные данные», «отношение к семье». В английской речи для этой тактики характерны конструкции с отрицанием «don't think that's appropriate», «it's not appropriate to comment», «aren't appropriate to discuss», в которых слово «appropriate» относится к таким глаголам как «to discuss», «to comment», «to opine» («not appropriate for me to comment», «aren't appropriate for me to discuss or opine»).

Тактика игнорирования вопроса встречается как в речи как российских политиков, так и зарубежных политиков. Однако зарубежные политики прибегают к её использованию чаще. Тактика игнорирования заключается в том, что ответ на вопрос заменяется репликами-просьбами «давайте второй вопрос», «следующий вопрос», в английской речи реализуется при помощи побуждающих конструкции «ready to move to a new question» и репликами-благодарностями «thank you all» и «thank you».

Таким образом, проанализированные тактики пользуются большим спросом в речи как российских, так и зарубежных политиков. Тактики реализуются посредством многообразных речевых форм и оборотов. При описании уклончивых высказываний необходим комплексный подход включающий прагматический, семантический и речевой уровень

исследования. В речи политиков наблюдается широкое многообразие экспрессивной и стилистически окрашенной лексики, что позволяет успешно завуалировать информацию и уйти от ответа, при этом сохранив свой политический имидж.

## СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аверьянов Ю.И. Политология: Энциклопедический словарь. М.: Изд-во Московского коммерческого университета, 1993. 273 с.
2. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М.: Советская энциклопедия, 1966. 608 с.
3. Баранов А.Н., Крейншлин Г.Е. Структура диалогического текста: лексические показатели минимальных диалогов // Вопросы языкознания. 1996. №3. 84–93 с.
4. Баранов А.Н., Паршин П.Б. Языковые механизмы вариативной интерпретации действительности как средство воздействия на сознание // Роль языка в средствах массовой информации. 1986. 100–142 с.
5. Варывдин В.А., Мигولاتьев А.А. Политологический словарь. М.: Луч, 1994. 224 с.
6. Василик М.А. Основы теории коммуникации. М.: Гардарики, 2003. 615 с.
7. Гончаров М.Ю. Риторика политической коммуникации // Массовая коммуникация в современном мире. Сборник научных трудов. М.: МГИМО, 1991. 55–60 с.
8. Грайс Г.П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1985. №16. 217–237 с.
9. Грачев М.Н. Политическая коммуникация: теоретические концепции, модели, векторы развития. М.: Прометей, 2004. 328 с.
10. Грачев М.Н., Ирхин Ю.В. Актуальные проблемы политической науки. М.: Экономическая демократия, 1996. 172 с.
11. Дейк Т. А. ван, Кинч В. Стратегии понимания связного текста // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1988. №23. 153–212 с.
12. Дейк Т. А. ван. Вопросы прагматики текста // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1978. №8. 259–336 с.

13. Дейк Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация. М.: Прогресс, 1989. 312 с.
14. Демьянков В.З. Текст и дискурс как термины и как слова обыденного языка // Язык. Личность. М.: Языки славянских культур, 2005. 34–55 с.
15. Демьянков В.З. Политический дискурс как предмет политологической филологии // Политическая наука. Политический дискурс: История и современные исследования. 2002. №3. 32-43.
16. Ильин М.В. Слова и смыслы: Опыт описания ключевых политических понятий. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), М.: Едиториал УРСС, 1997. 432 с.
17. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М.: Едиториал УРСС, 2002. 284 с.
18. Карасик В.И. О категориях дискурса // Языковая личность: социолингвистические и эмотивные аспекты: М: Перемена, 2000. 197 с
19. Ключев Е.В. Речевая коммуникация. Успешность речевого общения. М.: РИПОЛ КЛАССИК, 2002. 320 с.
20. Латынов В.В. Политическая коммуникация // Политическая энциклопедия. В 2 т. М.: Мысль, 1999. 701 с.
21. Муравьева Н.В. Язык конфликта // Информационно-справочная система архивной отрасли. URL: <http://www2.termika.ru/issao?d&nd=941703233&nh=1> (дата обращения: 20.08. 2015).
22. Надеина Т. М., Гойхман О.Я. Основы речевой коммуникации: учебник для вузов. М.: ИНФРА-М, 1997. 272 с.
23. Паршина О.Н. Стратегии и тактики поведения современной политической элиты в России. 2005. 325 с.
24. Плотникова С. Н. Неискренний дискурс (в когнитивном и структурно-функциональном аспектах). М.: ИНФРА-М, 2000. – 244 с

25. Политический дискурс в парадигме научных исследований: сборник статей международной научной конференции. 2014. 78-92 с.
26. Пономаренко Е.В. Речевые стратегии и тактики как важнейший аспект формирования профессиональных компетенций //Языки в современном мире. М.: КДУ, 2009. 492-499 с.
27. Романова Т.В. Интент-анализ политического дискурса // Язык. Текст. Дискурс: Научный альманах Ставропольского отделения РАЛК. 2007. №5. 177 – 189 с.
28. Рублева Е. В. Лингвопрагматические аспекты политической теледискуссии: дис.канд.филол. наук: 10.02.01. Москва, 2007. 169 с.
29. Сластенин В.А. Педагогика: Учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. Заведений. М.: Школа-Пресс, 2002, 576с.
30. Соловьев И.А. Политические коммуникации: учеб. Пособие для студентов вузов. М.: Аспект Пресс, 2004. 272 с.
31. Соловьев А.И. Политология: Политическая теория, политические технологии. М.: Аспект Пресс, 2000. 559с.
32. Структура, средства и модели политической коммуникации // Студопедия. 2015. URL: <http://studopedia.info/2-57275.html> (дата обращения: 25.07. 2015).
33. Фуко М. Ненормальные: Курс лекций, прочитанных в коллеж де Франс. СПб: Наука, 2004. 432 с.
34. Чернявская В.Е. Дискурс власти и власть дискурса: проблемы речевого воздействия. М.: Флинта: Наука, 2006. 128 с.
35. Чудинов А.П. Политическая лингвистика: учеб. пособие. М.: Флинта, 2006. 256 с.
36. Шапочкин Д.В. Политический дискурс: когнитивный аспект: монография. Тюмень: Издательство Тюменского государственного университета, 2012. 260 с.
37. Шапочкин Д.В., Андреева А.А. Когнитивно– речевые стратегии и тактики в публичных речах бундесканцлера ФРГ А.Меркель//

38. Шварценберг Р.Ж. Политическая социология, Ч.1. 1992. 330 с.
39. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. 2000. 326 с.
40. Янко Т.Е. Коммуникативные стратегии в русской речи. М.: Языки славянской культуры, 2001. 384 с.
41. Bull P. "Slipperiness, Evasion, and Ambiguity" Equivocation and Facework in Noncommittal Political Discourse // Journal of Language and Social Psychology. 2004. № 4. P. 333-344.
42. Jalilifar A. Power and Politics of Language Use: A Survey of Hedging Devices in Political Interviews //The Journal of Teaching Language Skills. 2011. №3. 43p.
43. Nabifar N. Critical Analysis of Evasion Techniques in American Political News Interviews // Journal of Academic and Applied Studies.2011. №5. P. 56-70.
44. Vukovic M. Evasion in broadcast political interview // ELLSIIR Proceedings. 2009. Vol 1. 359 p.
45. Xiaoying Z. Cross-cultural Pragmatic Analysis of Evasion Strategy at Chinese and American Regular Press Conferences with Special Reference to the North Korean Nuclear Issue // University of International Business and Economy [Электронный ресурс]. 2009. URL: [http://commcourses.com/iic/?page\\_id=336](http://commcourses.com/iic/?page_id=336) (дата обращения: 15.03.2016).

## СПИСОК ЦИТИРУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Большая пресс-конференция Владимира Путина. Онлайн-репортаж // РИА Новости. Россия сегодня. [Электронный ресурс]. 2015. URL: <http://ria.ru/politics/20151217/1343569932.html> (дата обращения: 11.06.2016).
2. Брифинг официального представителя МИД России А.А.Нестеренко, 2 июля 2009 года // Министерство иностранных дел Российской Федерации. [Электронный ресурс]. 2009. URL: [http://archive.mid.ru//brp\\_4.nsf/briefview/28F7702ECA367336C32575E700479930](http://archive.mid.ru//brp_4.nsf/briefview/28F7702ECA367336C32575E700479930) (дата обращения: 28.04.2016).
3. Брифинг официального представителя МИД России А.К.Лукашевича, 14 декабря 2012 года // Министерство иностранных дел Российской Федерации. [Электронный ресурс]. 2012. URL: [http://www.mid.ru/kommentarii\\_predstavatelya/asset\\_publisher/MCZ7HQuMdqBY/content/id/796468?p\\_p\\_id=101\\_INSTANCE\\_MCZ7HQuMdqBY&\\_101\\_INSTANCE\\_MCZ7HQuMdqBY\\_languageId=ru\\_RU](http://www.mid.ru/kommentarii_predstavatelya/asset_publisher/MCZ7HQuMdqBY/content/id/796468?p_p_id=101_INSTANCE_MCZ7HQuMdqBY&_101_INSTANCE_MCZ7HQuMdqBY_languageId=ru_RU) (дата обращения: 29.05.2016).
4. Брифинг официального представителя МИД России А.К.Лукашевича, 15 ноября 2012 года // Министерство иностранных дел Российской Федерации. [Электронный ресурс]. 2012. URL: [http://archive.mid.ru//brp\\_4.nsf/newslines/C1C4C902EB70E2D744257AB7004C0AC6](http://archive.mid.ru//brp_4.nsf/newslines/C1C4C902EB70E2D744257AB7004C0AC6) (дата обращения: 25.05.2016).
5. Брифинг официального представителя МИД России М.В.Захаровой, Москва, 10 июня 2016 года // Министерство иностранных дел Российской Федерации. [Электронный ресурс]. 2016. URL: [http://www.mid.ru/press\\_service/spokesman/briefings/asset\\_publisher/D2wHaWMCU6Od/content/id/2313531](http://www.mid.ru/press_service/spokesman/briefings/asset_publisher/D2wHaWMCU6Od/content/id/2313531) (дата обращения: 11.06.2016).
6. В комитете по природопользованию специалисты обсудили полигон «Красный Бор» с делегацией из министерства окружающей среды Финляндии // Официальный сайт администрации Санкт-Петербурга.

- [Электронный ресурс]. 2016. URL: <https://gov.spb.ru/gov/otrasl/ecology/news/84926/> (дата обращения: 28.04.2016).
7. В Чечню возвращается «Свобода // Lenta.ru. [Электронный ресурс]. 2002. URL: <https://lenta.ru/most/2002/01/28/svoboda/> (дата обращения: 12.04.2016).
8. Владимир Путин ушел от ответа на вопрос, будет ли он баллотироваться в 2018 году // Бизнес Online. [Электронный ресурс]. 2016. URL: <http://www.business-gazeta.ru/article/307793/> (дата обращения: 25.04.2016).
9. Дмитрий Песков не стал комментировать слова Кадырова о «судье-шайтане» // АиФ. Ставрополь. Официальный сайт. [Электронный ресурс]. 2015. URL: [http://www.stav.aif.ru/society/person/peskov\\_ne\\_stal\\_kommentirovat\\_slova\\_kadyrova\\_o\\_sude-shaytane\\_](http://www.stav.aif.ru/society/person/peskov_ne_stal_kommentirovat_slova_kadyrova_o_sude-shaytane_) (дата обращения: 29.03.2016).
10. Ежемесячный доход у меня, по-моему, 500 долларов // ТСН Вражає. [Электронный ресурс]. 2011. URL: <http://tsn.ua/analitika/ezhemesyachnyu-dohod-u-menyu-po-moemu-500-dollarov.html> (дата обращения: 30.05.2016).
11. Интервью Министра иностранных дел России С.В.Лаврова российским и иностранным СМИ, Москва, 25 ноября 2015 года // Постоянное представительство Российской Федерации при НАТО. [Электронный ресурс]. 20115. URL: <http://www.missiontonato.ru/news/794/> (дата обращения: 14.02.2016).
12. Лавров отказался комментировать сообщения о нарушении РФ договора РСМД // Агентство РИА Новости. [Электронный ресурс]. 2015. URL: <http://ria.ru/moscow/20140201/992533369.html> (дата обращения: 30.07.2015).
13. Ответы Игоря Иванова читателям Би-би-си // BBC Russian.com. [Электронный ресурс]. 2003. URL:



[http://news.bbc.co.uk/hi/russian/special\\_report/bbcussian/2002\\_07/newsid\\_282000/2820319.stm](http://news.bbc.co.uk/hi/russian/special_report/bbcussian/2002_07/newsid_282000/2820319.stm) (дата обращения: 11.04.2016).

14. Песков отказался комментировать обращение экс-акционеров ЮКОСа в суд Берлина // Газета.ру. [Электронный ресурс]. 2015. URL: [http://www.gazeta.ru/business/news/2015/09/12/n\\_7585967.shtml](http://www.gazeta.ru/business/news/2015/09/12/n_7585967.shtml) (дата обращения: 29.05.2016).

15. Песков отказался комментировать публикацию о старшей дочери Путина // РБК. [Электронный ресурс]. 2016. URL: <http://www.rbc.ru/rbcfreenews/56af24619a79474fc33824fe> (дата обращения: 08.04.2016).

16. Песков отказался прокомментировать сообщения о новом браке Людмилы Путиной // Интерфакс. [Электронный ресурс]. 2016. URL: <http://www.interfax.ru/russia/491560> (дата обращения: 08.01.2016).

17. Прямая линия с В.В Путиным // Первый канал. [Электронный ресурс]. 2015. URL: <http://www.1tv.ru/projects/si5760/fi22805> (дата обращения: 25.04.2016).

18. Путин о реакции Порошенко на Крым // Regnum. [Электронный ресурс]. 2015. URL: <https://regnum.ru/news/polit/1953228.html> (дата обращения: 29.05.2016).

19. Путин ушел от ответа, кого бы спас первым - Порошенко или Эрдогана // Новости TUT.BY. [Электронный ресурс]. 2011. URL: <http://news.tut.by/world/492539.html> (дата обращения: 28.04.2016).

20. Clinton, Sanders seize on Flint water crisis as a political issue // Star-Telegram. [Электронный ресурс]. 2016. URL: <http://www.star-telegram.com/news/nation-world/national/article55486660.html> (дата обращения: 19.01.2016).

21. Daily Press Briefing Washington, DC April 6, 2015 // U.S. State Department. [Электронный ресурс]. 2015. URL: <http://www.state.gov/r/pa/prs/dpb/2015/04/240354.htm> (дата обращения: 20.03.2016).

22. Daily Press Briefing Washington, DC June 1, 2016 // U.S. State Department. [Электронный ресурс]. 2016. URL: <http://www.state.gov/r/pa/prs/dpb/2016/06/257880.htm> (дата обращения: 07.06.2016).

23. Daily Press Briefing Washington, DC June 2, 2016 // U.S. State Department. [Электронный ресурс]. 2016. URL: <http://www.state.gov/r/pa/prs/dpb/2016/06/257911.htm> (дата обращения: 07.06.2016).

24. Daily Press Briefing, August 20, 2014 // U.S. State Department. [Электронный ресурс]. 2014. URL: <http://www.state.gov/r/pa/prs/dpb/2014/08/230777.htm> (дата обращения: 06.09.2016).

25. Daily Press Briefing, August 8, 2014 // U.S. State Department. [Электронный ресурс]. 2014. URL: <http://www.state.gov/r/pa/prs/dpb/2014/08/230407.htm> (дата обращения: 06.09.2015).

26. Full transcript: Obama interview with NBC News // NBC News. [Электронный ресурс]. 2010. URL: [http://www.nbcnews.com/id/38907780/ns/nbc\\_nightly\\_news\\_with\\_brian\\_williams/t/full-transcript-obama-interview-nbc-news/#.Vrqa0PmLSM8](http://www.nbcnews.com/id/38907780/ns/nbc_nightly_news_with_brian_williams/t/full-transcript-obama-interview-nbc-news/#.Vrqa0PmLSM8) (дата обращения: 30.04.2016).

27. Interview with Steve Kroft on CBS' "60 Minutes" // The American Presidency Project. [Электронный ресурс]. 2008. URL: <http://www.presidency.ucsb.edu/ws/?pid=84849> (дата обращения: 25.04.2016).

28. Is it Terrorism or is it Religion? Does the Question Matter? // Information ClearingHouse. [Электронный ресурс]. 2015. URL: <http://www.informationclearinghouse.info/article43647.htm> (дата обращения: 07.06.2016).

29. Jen Psaki On Islamists Hacking American Writer Avijit Roy To Death: We Have No Idea Why He Was Killed // Fox News. [Электронный ресурс]. 2015.

URL: <http://nation.foxnews.com/2015/03/01/jen-psaki-islamists-hacking-american-writer-avijit-roy-death-we-have-no-idea-why-he-was> (дата обращения: 30.04.2016).

30. Jen Psaki. Daily Press Briefing on January 21 // U.S. State Department. [Электронный ресурс]. 2015. URL: <http://www.state.gov/r/pa/prs/dpb/2015/01/236171.htm> (дата обращения: 29.05.2016).

31. Laura Bush on Afghan women, U.S. interests and 2016 // USA Today. [Электронный ресурс]. 2016. URL: <http://www.usatoday.com/story/news/politics/elections/2016/03/17/laura-bush-afghan-women-us-interests-2016/81868130/> (дата обращения: 29.05.2016).

32. Lies of the Channel One: Jen Psaki Could not Provide Information About the Shelling of the Trolleybus in Donetsk // StopFakeNews. [Электронный ресурс]. 2015. URL: <http://www.stopfake.org/en/lies-of-the-channel-one-jen-psaki-could-not-provide-information-about-the-shelling-of-the-trolleybus-in-donetsk/> (дата обращения: 30.05.2016).

33. Marco Rubio Ignores Two Questions on Immigrant Detention // Governing Under the Influence. [Электронный ресурс]. 2015. URL: <http://gui.afsc.org/birddog/marco-rubio-ignores-two-questions-immigrant-detention> (дата обращения: 29.05.2016).

34. Obama's Foxy Evasions // American Thinker. [Электронный ресурс]. 2011. URL: [http://www.americanthinker.com/articles/2011/02/obamas\\_foxy\\_evasions.html](http://www.americanthinker.com/articles/2011/02/obamas_foxy_evasions.html) (дата обращения: 28.04.2016).

35. Psaki wiggles out of RT's Ukraine ceasefire question // RT Question more. [Электронный ресурс]. 2015. URL: <https://www.rt.com/news/225379-psaki-ducks-ukraine-questions/> (дата обращения: 29.05.2016).

36. Psaki: No Comment on Reports Turkey May Be Disclosing Israeli Intel Assets to Iran // The Washington free beacon. [Электронный ресурс]. 2013. URL: <http://freebeacon.com/national-security/psaki-no-comment-on-reports->

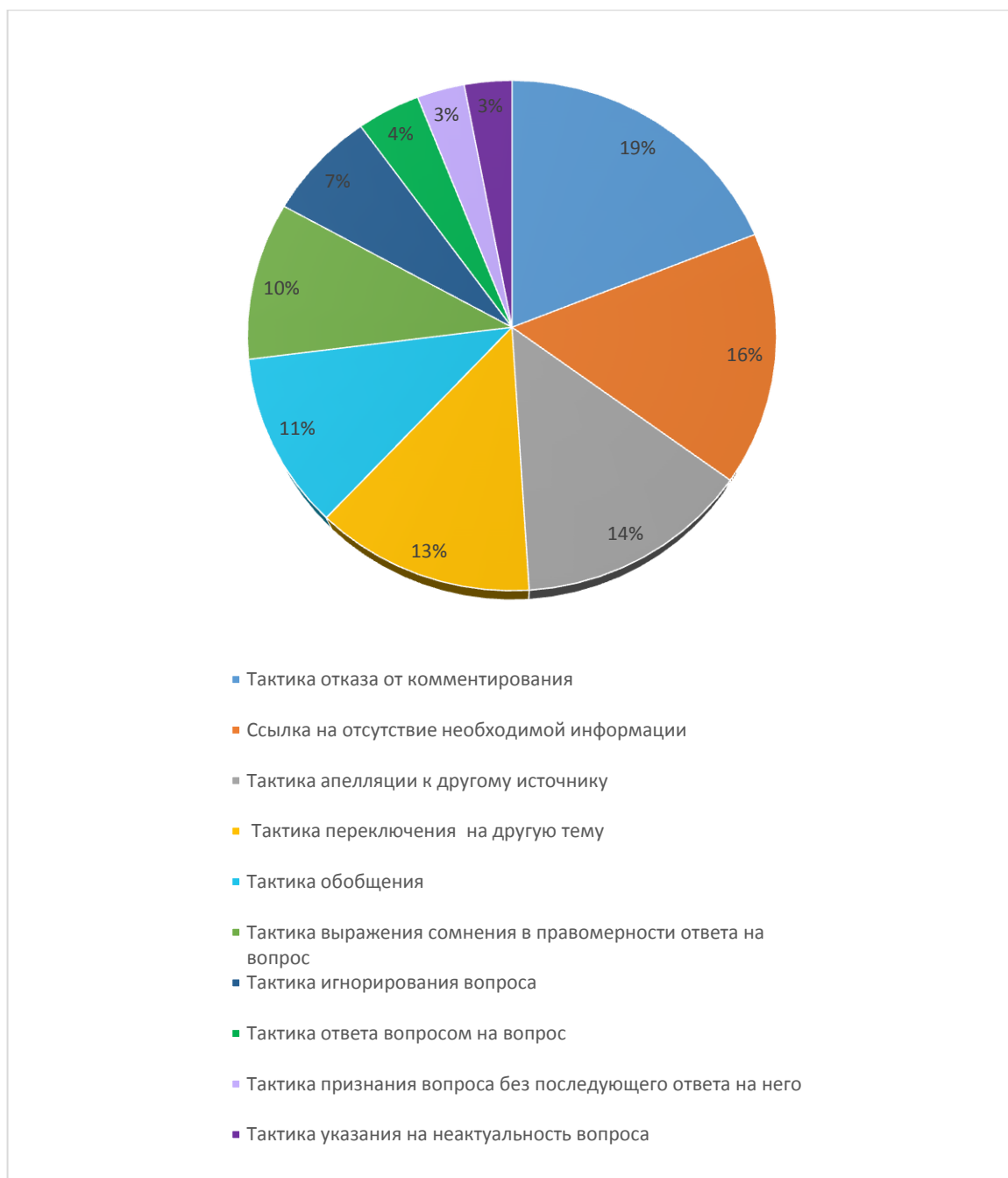
turkey-may-be-disclosing-israeli-intel-assets-to-iran/ (дата обращения: 29.05.2016).

37. The art of the Iran deal // Politico. [Электронный ресурс]. 2015. URL: <http://www.politico.com/story/2015/07/iran-deal-sanctions-120112> (дата обращения: 29.05.2016).

## ПРИЛОЖЕНИЯ

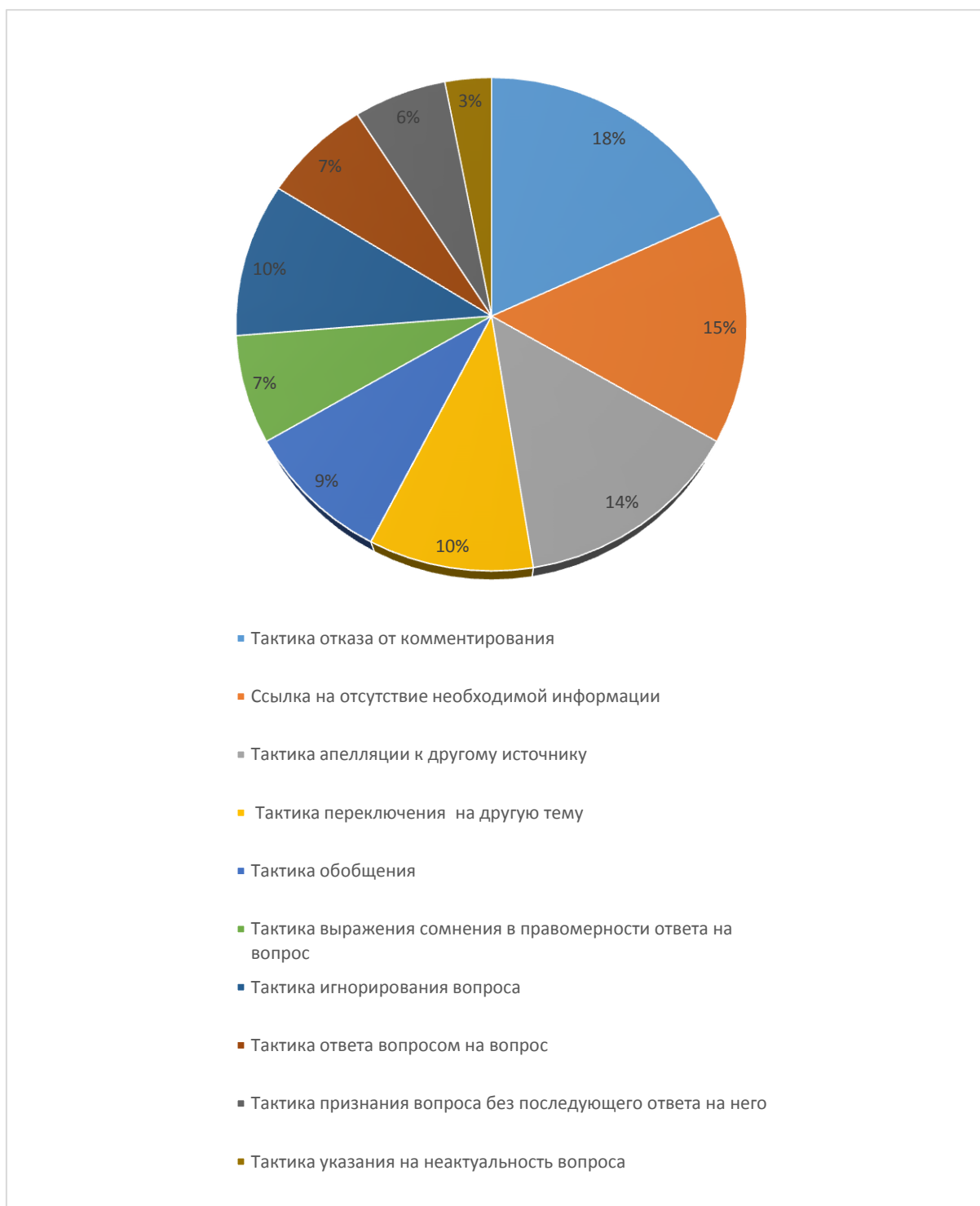
### ПРИЛОЖЕНИЕ А

#### Процентное соотношение 197 проанализированных примеров в русскоязычном дискурсе



Окончание приложения А

Процентное соотношение 180 проанализированных примеров в  
англоязычном дискурсе



Окончание приложения Б